ЛИЛИЯ СОРОКИНА

ДЕТИ СТАЛИНГРАДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тяжелая ноша легла на плечи детей-сталинградцев в дни великой битвы на Волге. Лишенные родителей, крова, собранные в Дубовский детский дом, они должны были вернуться к жизни. Точнее, их надо было вернуть! Вернуть куском хлеба, терпением, бессонницей тех, кто заменил им отца и мать.

- Лилия Сорокина
  -
  - По-мо-ги-те!
  - Америка удивляется
  - Хочу маму!
  - Добрые-добрые тети
  - Тетя Тоня — артистка
  - Первые шаги
  - Малыши
  - «Как же я скажу про маму…»
  - Встречи
  - Мысли детей о войне
  - Друзья детей
  - Гости с фронта
  - Приезд отцов-фронтовиков
  - Неожиданная встреча
  - Встреча с братом
  - Первый выезд
  - «И все-таки земля вертится!»
  - Контрольная по математике
  - Цветные макароны
  - «Три мушкетера»
  - До свидания, пароход!
  - От автора

Лилия Сорокина
ДЕТИ СТАЛИНГРАДА
Документальная повесть

ЛИЛИЯ СОРОКИНА

ДЕТИ СТАЛИНГРАДА

Документальная
повесть

Нижне-Волжское
книжное
издательство
Волгоград
1983

Почему у меня нет брата

Вот как было дело. Немцев выгнали из Сталинграда в феврале 1943 года, а мы возвратились в город ранней весной. Города, как такового, конечно, не было. Кругом развалины. Дома нашего тоже не существовало. Он сгорел. Я видела, как он горел. До войны мы жили по Винницкой улице, третьи от угла. Так вот, загорелся сначала угловой дом, а ветер дул в нашу сторону, и довольно сильный. Пожар случился днем, при ясном солнышке,

но искры вылетали из домов целыми мириадами, поэтому видно было их отлично. Треск стоял ужасный, такой сильный, что мы порой не слышали, как падали бомбы. Мы стояли, как завороженные, держась с братом за руки. Первой опомнилась мама. Она крикнула:

— А ну, марш в щель!

Мы юркнули в окоп.

Мать заплакала. Я сказала:

— Мама, не плачь. Подумаешь, еще один построим. Мне вот только жалко куклино платье. Оно ведь тоже сгорит?

Мы смотрели на пожар из щели, и я все думала о том, как сегодня утром, когда еще не было никакого пожара и самолеты не прилетали, я зашла в дом, увидела кусок ваты и слепила из него платье Для своей куклы. Оно получилось такое воздушное, и моя кукла стала похожа на Снегурочку. До Нового года было ой как далеко, поэтому я сняла платье по частям, снова слепила его и повесила в шкаф. Там ничегошеньки не было — одно платье для Снегурочки. Ну и пусть, до зимы далеко. Зато мне не нужно будет возиться с кукольным нарядом. Открою шкаф, пожалуйста, — одевайтесь.

Отвалилась боковая стена дома, что была ближе к нам, и я увидела шкаф. Он пылал вовсю, и платье, наверное, давным-давно сгорело. Оно ведь было легкое, как перышко…

Когда мы возвратились на свое пожарище, то разместились в том самом окопе, где спасались от бомбежки. Мама с папой устроились на разные заводы, братишка стал ходить в садик, а я была за домоседку. С работы первой приходила мама. Она всегда приносила с собой в плоском немецком котелке суп, который получала на обед. И я очень ждала ее прихода, потому что есть мне хотелось страшно.

Помню июльское раннее утро. Мы проснулись, как всегда. И, как всегда, увидели, что песок снова просочился сквозь доски, которыми были обиты стены окопа. Когда я всех распровожу, я должна буду убрать песок.

Мы выбрались наружу. Погода стояла великолепная. Даже птицы где-то пели, хотя вокруг не было ни одного дерева. Мы полили друг другу на руки — умылись. Мама внимательно на меня посмотрела и сказала:

— Ох, и худющая ты. Подкормить бы тебя надо — осенью-то в школу. Отец, может, ее в деревню отправим, на подножный корм, а?

Папа сказал:

— Я не возражаю.

Мама тотчас распорядилась:

— Ты веди Толика в садик, а я отпрошусь быстренько на работе, да и провожу тебя до пристани — доедешь небось до Антиповкн-то. Как раз утром пароход туда приходит. Да и женщины наверняка туда сдут, может, даже антиповские есть. Попрошу, за тобой посмотрят.

Село Антиповка — родина моих родителей. Я там была до войны несколько раз. Ура! Купаться буду, по горам лазать. А главное, у тети Мани, папиной родной сестры, корова есть, а у бабы Сани, маминой тети, — козы. Я представила, как пью не из какого-то стакана, а прямо из горшка козье молоко, густое, как сливки, прохладное, Я стала быстро одевать Толика. В садик идти было довольно далеко — к бывшему стадиону, но настроение у меня было отличное. И утро на меня действовало. Умытое-умытое, ясноглазое, как мой братик. Он что-то лопотал, а я крепко держала его за руку и шла по знакомой дорожке, не отклоняясь ни на шаг, — боялась мин. Вдруг я почувствовала какую-то беспокойную нежность к нему. Она нахлынула на меня неожиданно, как слепой дождик. Я даже остановилась. Мне захотелось его чмокнуть, и я чмокнула. Он засмеялся и потянул меня вперед. Я не знала тогда, что вижу его в последний раз. В тот день я уехала в деревню. В деревне все было так, как я и представляла, даже лучше. С Палькой, дочкой бабы Сани, и другими деревенскими девчонками целыми днями торчала на Волге. От неумеренного купания по лицу пошли цыпки. Баба Саня говорила мне:

— Господь с тобой, Лилька, уймись. Волга-то так и будет течь, а тебя мама родная не узнает.

— Узнает, — говорила я, — еще как!

Мы не только любили купаться. Еще ходили за травой для коз.

В то роковое воскресенье, когда все случилось, мы лазали по крутому склону берега и рвали траву. В меня словно бес вселился. Я смеялась до упаду. Закачусь и падаю на охапку травы. А то возьму эту охапку, залезу на самую вершину склона и… кубарем вниз.

Я даже предположить не могла, что в это самое время, когда мама буквально на полчаса отлучилась на базар, мой брат с соседскими мальчишками нашел мину. Кому разряжать? Стали канаться. Выпало ему. Он сел на землю, зажал мину между коленями. Взял камень потяжелей. Прежде чем ударить, он сказал мальчишкам:

— Вы лозытесь, а то осколки поранят.

Мальчишки легли. Через несколько минут все было кончено.

Вот почему у меня нет брата…

По-мо-ги-те!

Какими словами передать состояние ребятишек, у которых на глазах убивало отца или мать, бабушку или сестру? Представьте: вокруг рвутся бомбы, снаряды, мины. Жуткое завывание пикирующего самолета. Так и хочется вдавиться в землю, в стену, чтобы только не слышать, как к тебе летит смерть. И вот мама, только что живая мама, вдруг охает и падает замертво. Что делать? Кого звать на помощь? Кричи, не кричи — в этом кромешном аду тебя никто не услышит и не придет… и не спасет…

Но детей спасали. Их находили в подвалах, окопах, в горящих домах. Бойцы легендарной 62-й армии и жители города доставляли осиротевших ребят в детприемники, а оттуда — в детские дома. В то время на территории нашей области было открыто около сорока детских домов.

Дети поступали в детский дом чуть живыми, изможденными. Некоторые даже не могли идти — их несли на носилках. Некоторые дети долгое время не разговаривали. По ночам их преследовали кошмары, и они кричали, в который раз заново переживая свое горе. Сколько надо было времени и усилий воспитателям, чтобы к детям вернулось детство, чтобы мальчишки стали мальчишками, а девчонки — девчонками. И дети оттаяли, вернулись к жизни. Они стали смеяться и петь, рисовать, гонять мяч, вышивать. Короче говоря, делать то, что делают нормальные дети.

Америка удивляется

«Приехали мы с Украины, но не знаю названия города, в котором мы жили. Остановились в Сталинграде. Папа наш работал на тракторном заводе, а мама дома была. Когда бомбили Сталинград, папа уже был на фронте. Мама, я и сестренка Рая сидели в щели. У нас нечего было кушать. Была только одна пшеница, мы ее и ели.

Рая захотела пить, а воды у нас не было. Когда мама стала выходить из щели за водой, она упала и умерла. Мы с Раей плакали.

Мы остались без мамы, а немец так бомбил, даже страшно вспомнить. Я очень боялся и все время плакал, а Рая не плакала. Она говорила: „Давай, Толя, уйдем отсюда“. А я ей говорю: „Куда же уйдем, когда такой бой идет? Если бы ты понимала что-то, ты бы меня не звала“.

Утром я говорю Раечке: „Пойдем куда-нибудь“. Надел ей пальто, покрыл шалью, насыпал пшеницы в карманы ей и себе, только забыл надеть свою шапку. Потом взял Раю на руки и пошел с нею сам не знаю куда.

Нес ее на руках, а кругом ямы от бомб. Несколько раз падал с нею, чуть нос себе не разбил. Устал, иду и плачу, Рая тоже плачет, а мне стало с ней тяжело идти, и я подумал: оставлю ее одну, а сам поищу людей. Хоть мне ее и жалко было оставлять, но я ведь очень устал с ней. Я остановился и говорю: „Рая, ты посиди тут, а я сейчас приду“. Она мне поверила и осталась, Я ушел от нее и все время думал о ней.

Шел, шел и увидел много людей, которых угонял немец из Сталинграда, не знаю куда. Меня одна тетя взяла за руку, и я пошел с ней, а сам все думал о своей сестренке Рае. Ведь настанет ночь, а она сидит и ждет меня. У меня так слезы и покатились, а тут еще устал и стал плакать, ноги у меня распухли, дождь был, грязь, холодно. Туфли у меня были хорошие, красные, но порвались, голова замерзла. Тут я вспомнил о своей шапке, которую не взял, а без нее мне холодно было. Какой-то дядя шел со мной рядом и говорит: „Не плачь, мальчик, мы скоро дойдем и ляжем спать“.

Пригнал нас немец не в комнату, а в степь, ночевали под дождем. Утром мы с дядей пошли на станцию, а он мне говорит: „Ты посиди, а я пойду хлопотать пропуск, а то нас не пустят немцы из лагеря“. Дал мне два сухаря, а сам ушел. Больше он не приходил. Я его ждал, ждал и не дождался, сел в угол и долго плакал.

Вышла тетя из комнаты и спросила: почему я плачу. Я ей рассказал, как убили мою маму, что у меня ведь никого нет — сестренку я оставил в Сталинграде одну. Тетя повела меня в комнату, посадила за стол и покормила меня. Я наелся и лег спать. Утром проснулся, вышел на улицу. Слышу: говорят, что немец удрал и все опять едут в Сталинград. Я думаю: я тоже уеду разыскивать сестренку. Меня не пустили на поезд, а взяли и отправили в Дубовский детский дом. Я все время думал о Раечке — я не знал, где она.

Сидим мы как-то занимаемся. И вот я слышу, кто-то плачет в коридоре, а Рая у нас такая плакса была. Я вышел из комнаты, смотрю: девочка стоит и плачет. Как будто Рая. Это Рая и оказалась. Я был очень рад, ведь до этого я все время думал о ней.

Теперь мы с Раей живем в детском доме, больше я ее никогда не брошу. Только мне хочется, чтобы наш папа остался живой и обязательно нас разыскал».

Об этом рассказал шестилетний Толя Гончаров в ноябре сорок третьего пионервожатой Дубовского детского дома. И другие дети тоже рассказали. Так получилась рукописная книга. В нее вошли также стихи детдомовцев. Шестилетний Гена Иванов, например, такой стих сочинил:

Бьют фашистов в море синем
Наши моряки.
Не видать фашистам-гадам
Советской земли.

Война не отпускала ребят ни на шаг. Она не только была в стихах, рассказах, но и в рисунках. Витя Жириков изобразил битву под Сталинградом. Над руинами города схватились не на жизнь, а на смерть самолеты с красными звездами и ненавистной черной свастикой. На фашистские танки, которые прорвались на улицы Сталинграда, падают, дымясь, немецкие самолеты. Краснозвездные самолеты побеждают.

По морю плывет белый пароход с большой трубой и красным флагом… На нем крупно написано: «Победа». А под рисунком подпись: «Бойцы возвращаются с фронта. Чьи-то папы едут домой».

Отец Толи Арчакова, как и многих ребят, никогда не вернется — он погиб, защищая Родину. Мальчик знал это. Свою тоску и грусть он вложил в этот рисунок.

Стихи, рассказы, рисунки, вышивки заинтересовали многих не только в нашей стране. О них стало известно и за рубежом.

Была в Америке прогрессивная организация «Амбиджан». Так вот, эта организация обратилась к исполкому Сталинградского городского Совета с просьбой прислать творчество ребят в Америку. Работы выслали. В 1946 году их показали в Нью-Йорке. Нельзя было без волнения читать рассказ Толи Гончарова и других детей. Может быть, впервые американцы узнавали, сколько испытаний выпало на долю советских ребят во время войны. Они этого просто представить не могли — ведь ни одна бомба еще не упала на американских детей.

Двадцать пять лет хранил выставку ребят Дубовского детского дома, нередко с риском для себя, прогрессивный американский писатель Давид Зельтцер. Десять лет назад он побывал в нашем городе и передал работы ребят в фонд краеведческого музея.

Эти работы увидела и я. Они настолько меня взволновали, что мне захотелось написать о жизни ребят Дубовского детского дома. Через краеведческий музей я узнала многие адреса бывших воспитанников и воспитателей детского дома. Встречалась с ними.

Хочу маму!

«Когда немец начал сильно бомбить Сталинград, мы сидели в разрушенном доме, но нам оттуда пришлось бежать в другой дом, где также не было окон, не было одной стены. Я был с мамой, папой и сестренкой меньше меня, с бабушкой и дедушкой. Когда мы бежали, ранило мою маму в ногу, и она скоро умерла. Я сидел около нее. Папа ушел с красноармейцами, а я с бабушкой, дедушкой и сестренкой остался. Дедушка каждый день ходил за зерном на разбитый элеватор, мы его терли кирпичом и пекли пышки, а потом нечего было печь. Дедушка и бабушка от голода умерли. Сестренку тетя взяла, а меня военный дядя привез, где было много ребят. Нас накормили, одели, обули и привезли в Дубовский детский дом».

Олег Назаров, 5 лет.

«А как нам, ребятам, нравилось ездить и давать концерты во время выборов по всей Дубовке. И все нам было не понять, почему люди плачут и нас жалеют, когда мы так хорошо живем…»

Из письма Мили Самойловой.

Людмила Васильевна в третий раз спросила своих малышей, наелись ли они. Кажется, все ответили «да».

— И никто из вас не просит добавки? Даже не верится.

Не так давно воспитателям казалось, что они никогда не накормят детей. Все сначала просили только хлебца. И когда получали кусочек, сосали его, как конфету. Некоторые просили есть ночью. Тогда воспитатели стали приберегать свои порции для ребят. Старшие сразу это поняли. И часто можно было видеть такую картину: обед кончается, два-три детдомовца догоняют воспитателей около спального корпуса и суют им в карманы сэкономленный хлеб.

— Возьмите, ведь вы голодные.

— Э, бросьте! Что же получается, круговорот воды в природе: мы — вам, вы — нам?

Но постепенно питание детдомовцев становилось все лучше. Евгения Эдуардовна, директор детдома, сумела найти состоятельных шефов — воинскую часть, дом отдыха «Металлург», колхоз. Шефы здорово подбрасывали харчи. Так что в отношении питания воспитатели могли быть спокойны.

Но Людмила Васильевна спросила еще раз, не хочет ли кто добавки. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь попросил, и тогда лишние двадцать минут можно будет побыть в столовой. Она

оттягивала время. Она сегодня дежурила и боялась ночи. Во сне ребята зовут своих мам.

— Мама! Мама! Мамочка!

И плачут. Горько, навзрыд. Пока всех успокоишь, и сама разревешься.

Как всегда перед сном, Людмила Васильевна рассказала своим девчонкам сказку. Долго не могли уснуть. Все спрашивали об Иване-царевиче и Василисе Премудрой. Уж и спрашивать было нечего, а все не засыпали. Ребята ведь тоже боялись ночи. Наконец сон взял свое.

Она пошла посмотреть, как дела в других группах.

Пришла в самую младшую. Лампы, видно, погасили только что — пахнет гарью, керосином. Людмила Васильевна заскользила между кроватями. Тихо. И вдруг сзади нее раздался громкий шепот:

— Мама!

Людмила Васильевна неожиданно для себя ответила:

— Что? Что, моя хорошая, моя доченька.

Тоненькая фигурка Людмилы Васильевны склонилась над кроватью. Едва разглядела в темноте, кто зовет. Раечка Гончарова, маленькая мышка. Та самая Раечка, которая встретилась со своим братом в детдоме. Толя Гончаров был старше сестры года на три. Учился замечательно. И о сестре заботился здорово. Вернутся, бывало, с прогулки, он бежит к Рае, ощупывает варежки, валенки, чулки — не промокла ли. Играл только с ней. А когда на горизонте появлялась «опасность» (много приходило в детдом желающих усыновить или удочерить кого-нибудь), Толя тащил Раечку в укромное местечко, и они там отсиживались, пока посетитель не уходил. Он столько пережил за время своей разлуки с сестрой, что боялся снова потерять ее. Так вот, эта самая Раечка была окружена самым что ни на есть заботливым вниманием и все равно вспоминала, звала маму. А другие дети, у кого не было ни брата, ни сестры рядом? Можно представить, как они тосковали.

В эту ночь Людмила Васильевна решила: пусть Раечка Гончарова будет ее дочкой. Она станет брать ее на воскресенье домой, чтобы ребенок чувствовал домашнюю обстановку, знал, что и его кто-то ждет, любит.

Такое желание и у других воспитателей. Валентина Сергеевна Воронина, например, брала домой Юлю Щелкунову. Милю Самойлову взяла себе в дочки Антонина Васильевна Лымарева — повар детдома. Миля побывала в гостях у своей мамы, и ей очень поправилось. Хотя хатка у Антонины Васильевны была маленькая, в одно оконце, зато хозяйка была гостеприимная и веселая. В

следующее воскресенье Миля привела с собой Люсю Самарченко.

— А у Люси мамы нет… Возьмете?

— Возьму, деточка. Возьму обязательно. Садитесь, дочки, за стол, угощать вас буду.

У Мили лицо хитроватое, а глаза сияют, она подмаргивает Люсе: ну что я, дескать, говорила?

Через неделю привела Валю Лобасеву.

— И у Вали мамы нет… Возьмете?

— Возьму. Как же иначе? У каждого человека должна быть мама.

За стол садились каждый раз в новом составе. После Вали Лобасевой Миля привела Валю Романцову. Толя Беликин давно в сынках ходил. И так Антонина Васильевна стала самой многодетной матерью в мире — двадцать детей. Она уже не знала, чем их угощать, а без этого нельзя. Так же, как и отказать, она не могла. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не. Евгения Эдуардовна. Однажды она сказала, придя к тете Тоне домой:

— Ну, хватит вам быть мамой. Слишком уж детей у вас много.

Отобрали часть. Но по-прежнему ходили к тете Тоне, кроме Мили и Толи, Шура Никонова, Валя Гуряева, Тома Смирнова.

11 июня у Антонины Васильевны день рождения. Пригласила человек семь. В сорок пятом году не очень-то было с угощением. Насушила сухариков, из сахарного песка и молока сварила помадку. Пришли дети. И не с пустыми руками — с подарками. Каждый принес по конфетному фантику, а там надпись: «Дорогой маме Тоне». И веселье было настоящее — стихи читали, пели.

Посещение мам всегда было событием для ребят. Они спрашивали друг у друга, как принимали да чем угощали.

Названые мамы так на всю жизнь и остались мамами. Так их до сих пор называют бывшие детдомовцы. В гости к ним приезжают, как домой. Ведь лучше мамы никто не встретит…

Добрые-добрые тети

Шефство над нашими детьми-сиротами имеет огромное значение.

Ребенок, кроме воспитателей и нянь своей группы, имеет еще близкого, дорогого ему человека — тетю Валю или тетю Клаву, которые приедут, приласкают, приголубят, и жизнь ребенка становится краше.

— Ты будешь моя, — говорит одна из комсомолок Мане Ч.

Девушка дарит Мане резинки для чулок, картинки, пряник.

— Я никому никогда не отдам своего Гришу, — заявляет другая.

И теперь она чаще всех навещает его. Вот одна из встреч.

Тетя Клава пришла в полдник. Гриша Заводюк бросается к ней с распростертыми объятиями: они соскучились. Сели. Беседуют. Гриша говорит:

— Смотрите, тетя Клава, у меня на салфеточке вышит самолет. Это потому, что я буду летчиком, когда вырасту, буду бомбить фашистов.

Тетя его спрашивает:

— А где же ты, Гришенька, возьмешь самолет?

— Мне мама (воспитатель) купит в Москве, там продают. Тетя Женя (директор) ездила в Москву и говорила, что там много самолетов — можно купить.

Они долго беседовали. Гриша спрыгнул с колеи тети Клавы и говорит:

— Смотрите, как я быстро могу бегать!

Но случилась горькая обида. Гриша упал и прикусил губку, сильно, глубоко. У него полон рот крови. Тетя Клава быстро подняла его и со страхом на лице говорит мне:

— Что же с ним теперь делать?

Я пошла вместе с ними в изолятор. Сестра посмотрела, остановила кровь, но в изоляторе Гришу не оставила. Мы его понесли в группу, в спальню. Тетя Клава держит Гришу на руках и не хочет положить на койку — ей жаль его. Гриша разговаривать не может, у него собирается во рту слюна и душит его. Тетя Клава около часа сидела и помогала Грише освободиться от слюны. В это время я в группе проводила занятия. За больного Гришу я была спокойна — он с тетей.

Уходя домой, Клавдия Степановна говорит мне: «Ольга Павловна, нельзя ли мне Гришу взять с собой?»

Больного, конечно, отпустить было нельзя. Тогда последовала другая просьба. «Ведь ему теперь кушать нельзя, я ему буду

приносить кипяченого молока». Это я разрешила. Три дня Гриша болел, и три дня подряд к нему приходила тетя Клава и подолгу оставалась около него.

Дети по пальчикам высчитывают, когда настанет воскресенье и к ним в гости придут их тети.

Утро. Дети поднимаются, многие одеваются сами, стараются тщательно умыться, приводят в порядок костюмы. После вкусного завтрака воспитатель объявляет:

— Сегодня, ребята, у нас будет кукольный театр!

Начинаются приготовления, дети сами ставят стулья, продают билеты для своей группы и для гостей: без билетов вход запрещен.

Гости и дети усаживаются, и спектакль начинается. К детям выходит любимая кукла Танечка. Она читает стихи, поет и танцует, потом она рассказывает о своем дружочке — собаке, как она ухаживает за ней, чем кормит.

Спектакль кончился, дети аплодируют. Из группы выходят радостные, счастливые. Шефы забирают своих подопечных в гости. Оставшиеся дети едят и идут в спальню отдыхать.

Дневной сон. В спальне тихо. Все спят. Вот в спальню заходит Коля Бузолин со своим шефом — тетей Валей. Он вернулся из гостей. Его глаза смеются, горят от радости. Он кричит: «Мама, посмотрите!» Я говорю: «Тише, Коля, все спят». В руках у него большая коробка с игрушками, через плечо надета бархатная, вышитая блестящими нитками сумочка для носового платка. В сумочке красивый платочек, от которого пахнет «духом», как говорит Коля.

Еще тетя Валя положила под его подушечку сверток с печеньем и конфетами.

Дети все спят, но Коля заснуть не может. Он подзывает меня к себе и говорит: «Мама, у меня тетя Валя хорошая, я ее буду много-много любить. А вы обижаетесь? И вас я буду любить. Я всех буду любить».

Вот заходит Вадик Богатырев со своей тетей Нюрой. На груди у него красивый, с цветами, платочек, а в руках мягкая белая плюшка. Сам он, как шарик, маленький, толстенький — он любимец всего коллектива. Его зовут медвежонок Плюшевый.

Вадикиным рассказам тоже нет конца…

Воспитательница О. Я. Широкова.

Апрель 1945 г.

1947 год. Пришла на бюро в райком партии — нас принимали в члены КПСС. Сидим, ждем, когда нас вызовут. Вдруг входят две девчонки-второклассницы, черненькая и беленькая.

Какой-то конверт надо передать секретарше. Секретарши нет — она куда-то отлучилась. Девчонки уселись напротив и стали нас рассматривать. Это были детдомовки. Завязался разговор о том, о сем.

Беленькая неожиданно встает, подходит ко мне и говорит:

— Тетя, можно я буду называть вас мамой, а то у меня нет мамы?

— Можно.

— А кто у вас дома?

— Дядя Миша, бабушка.

— К вам с подругой приходить можно?

— Можно.

Так Лида Шандишова стала моей названой дочерью. Тогда я не придала большого значения нашему разговору. Думала, придет раз-другой в гости, и все. Но дело обернулось по-другому. Узелок завязался крепко, на всю жизнь. Каждый ее шаг, поступок, слово мы с Мишей принимали близко к сердцу. Наш первый подарок к ее дню рождения — мяч. Его мы принесли в детдом. Лиду это просто потрясло: ее день рождения отмечают не кто-нибудь, а папа с мамой! Много позже, когда Лида сама стала матерью и покупала подарки своим детям, она всегда вспоминала свой первый мяч.

После техникума Лида поехала в Казахстан, стала работать в совхозе «Первомайский» Чапаевского района. Лида писала обо всем подробно. Помню, осенью, в саду разбирала яблоки. Почтальон принес письмо. Лида просила разрешения на замужество. Я заплакала. Миша и говорит мне:

— Ну что ты, мать, плачешь? Радоваться надо — дочка замуж выходит.

А я ему отвечаю:

— Такая молодая…

Ездила в Казахстан, в гости. Познакомилась с родными, с мужем.

Правду говорят: маленькие дети — маленькие заботы, а уж большие… Сколько было радости, когда у Лиды родился сын. Миша мне сказал тогда:

— Вот и дождались мы внука, мать.

Через пять лет нас постигло большое горе — умер, наш внучок. Мы прямо обезумели от горя. Утешали Лиду, как могли, ездили к ней, писали. От нее приходили письма, полные отчаяния. Я их до сих пор храню, перечитываю и плачу…

…Да, крепко завязался узелок, на всю жизнь. Я часто вспоминаю тот день в райкоме партии, когда познакомилась с беленькой второклассницей. Почему именно она подошла ко мне

— к женщине, у которой никогда не было своих детей? Подарок судьбы? Я ведь всегда мечтала о ребенке…

Из разговора с Фаиной Федотовной Гомазковой, учительницей Дубовской школы № 2.

С разрешения Фаины Федотовны я прочитала письма Лиды Шандишовой. Мне хочется привести здесь открытку, присланную Лидой Фаине Федотовне 8 марта 1971 года.

«Самая лучшая, самая прекрасная на земле, моя милая, дорогая мамочка! С праздником! С радостью, с долгими годами жизни на земле! Самого наилучшего, самого прекрасного и хорошего вам на всю вашу долгую и добрую жизнь. Не стареть, не болеть. Тысячу лет жизни, здоровья и счастья, милая моя мамочка».

«*Мы жили с мамой в Городище. Когда пришли немцы, я была с мамой. Один раз мама взяла меня за ручку, и мы пошли с ней за хлебом. Когда мы шли по улице, то из одних ворот вышел немец. Он толкнул маму от меня, я осталась одна на улице. Маму он куда-то угнал. Я ее ждала, ждала, так и не дождалась. Меня взял за ручку какой-то дедушка, и я у него жила. А маму свою я так и не видела. Когда Красная Армия освободила Городище, меня взяли в детский дом».*

Декабрь 1944 г.

Лида Орешкина, 5 лет.

Тетя Тоня — артистка

В 1965 году была трогательная встреча Коли Бузолина с мамой Антониной Васильевной Лымаревой. Воспитывались у нас в детском доме два брата Бузолины — Стасик и Коля. Коля больше был похож на девочку. Лицо круглое, большие голубые глаза, очень длинные ресницы и румяные щеки. Он был очень общительный. И когда его Антонина Васильевна просила: «Коля, спой мне песенку», — Коля с радостью запевал ей «Курицу-красавицу», и оба весело смеялись. И однажды тетя Тоня, как ее звали дети, не выдержала и воскликнула: «Ах ты, Настенка!» Коля не обиделся и часто откликался на это имя. Прошло с тех пор много лет. Тетя Тоня уже на пенсии. Как-то летом она взяла ведро и пошла за водой в колонку на своей улице. Видит, навстречу идут двое мужчин, один из них говорит: «Нет, это не она». Тетя Тоня догадалась, что речь ведут о ней, и кричит: «Она! Она!» И вдруг молодой мужчина пустился бегом через улицу. У тети Тони невольно вырвалось: «Настенка! Курица-красавица!» Они бросились друг другу в объятия. А наш Коля-Настенка разрыдался. Гостил он у нее столько, сколько позволил ему отпуск. Работал он в Братске, на стройке. Брат его — Стасик — летчик. Соскучился он по детскому дому, по людям, которые заменили ему родителей. Вот и приехал он в Дубовку погостить.

Из воспоминаний Евгении Эдуардовны Волошко.

В небольшой комнате главное место занимает печка — приземистая, широкая. Кастрюли разместились на ней в определенном порядке: в центре большие, по краям маленькие. В печке гудит огонь, потрескивают дрова. Из самой большой кастрюли убегает варево, но не сильно, толчками, поэтому кажется, что кастрюля недовольно шипит: «вот еще», «вот еще».

Детдомовцы очень любили животных: всегда ласкали и подкармливали дворнягу Шарика, который играл с ребятами на прогулках, давали свежего сенца лошади, главной тягловой силе детдомовского подсобного хозяйства. С удовольствием фотографировались с серой лошадкой.

Тетя Тоня и трое ребят — в белых колпаках. Юра Арчаков пропускает через мясорубку мясо, Аля Захматова лепит котлеты, Валя Лобасева снимает пробу из той кастрюли, которая недовольно шипит. (В детдоме каждый воспитанник должен был научиться стряпать, поэтому на выучку к тете Тоне по очереди приходили все ребята.)

Тетя Тоня попробовала из большой кастрюли и говорит ей:

— Ты у меня пошипи! Я тебя живо сейчас помешаю!

К удивлению ребят, кастрюля перестает шипеть, начинает спокойно булькать.

— Как это она вас слушается, теть Тоня? — спрашивает Аля Захматова.

— А так, деточка. Я кто, думаешь, повар? Э, нет.

— А кто? Артистка?

— Ну, это ты загнула, милочка, — сказала тетя Тоня, а сама при этом довольно улыбнулась. Приятно ей было вспомнить, как недавно она играла дьячка в «Канители» А. П. Чехова. Бог ты мой, сколько было восторгов, когда ребята увидели свою тетю Тоню в длинном балахоне, с усами. Лоб она сморщила, а на носу пятна всех цветов — от розового до темно-синего. Но это еще не все. На голове у нее уморительно торчат косицы, как будто букву «с» положили на спинку. Изобретательная тетя Тоня вплела в волосы

проволоку. А когда она забубнила: «Дальше кого? Скорей, убогая, думай, а то мне некогда. Сейчас часы считать стану», — ребята просто покатились со смеху.

Но больше всего аплодировали тете Тоне за роль Василия в пьесе «Пустяковые дела». Надо сказать, что ей шли мужские роли: военный в пьесе «Билет в Ейск», чеховский злоумышленник. В общем, тетя Тоня была настоящая артистка, и все. Нечего тут скромничать.

— Эх, заговорили меня, разбойники. А клецки кто будет делать?

Ребята в три голоса закричали:

— Ура! Клецки!

— Тише вы, кастрюли спугнете — улетят!

Ребята засмеялись, побросали свои дела, налетели на тетю Тоню, взяли ее в плен. Она пыталась вырваться из их объятий, уморительно изображая отчаяние. И тут пошла такая кутерьма! Столько было визга, шума, что никто не слышал, как открылась дверь.

В дверях показалась сначала целая гора валенок, а потом уж Людмила Васильевна Корнеева, воспитательница, совсем еще девочка, прехорошенькая, большеглазая. Два года назад она закончила Дубовское педучилище. Она только что каталась с ребятами на лыжах. А на улице начиналась метель, да и горок много, вот и промочили ребятишки валенки. Посушить их надо. А где? Кроме как у тети Тони, негде.

Первой Людмилу Васильевну увидела повариха. Она энергично замахала руками:

— Кыш-кыш! Чур меня!

Людмила Васильевна сразу прикинулась лисонькой:

— Тетя Тонечка, миленькая! Ну, пожалуйста! Кто же нас пожалеет еще?

— Да вы что, Людочка! Вы хотите, чтобы врач отрубил мне голову, когда увидит рядом с кастрюлями этих серых уродцев? И какой леший, я спрашиваю, носил вас в такую погоду? Прости меня, господи, и это накануне женского дня! Чистое безобразие — метель! Ну, чего стоишь? Поди, устала держать этакую махину? Валяй их в угол, да мешком прикрой — «картошка» будет. А вот когда наступит темная-темная ночь, я этих уродцев так и быть поставлю на печку. Но, клянусь вам, ни одной кастрюли рядом с ними не будет!

От такой речи Людмила Васильевна долго хохотала и все приговаривала:

— Ну, артистка! Ой, умру!

Тетя Тоня тем временем энергично орудовала ложкой —

готовила тесто для клецок. Она сказала с чувством:

— Людочка! Ради бога, не умирайте. Вы такая молодая и красивая! Лучше давайте клецки с нами запускать.

— Не могу, тетя Тонечка. Мои архаровцы меня ждут.

И ушла.

Наконец тесто было готово, и ребята приступили к самому главному: взяли ложки, окружили чашку с тестом и — отправляйтесь, клецки, в кастрюлю. Тетя Топя сразу предлагает игру «кто быстрее», но при этом предупреждает:

— Верите по чуть-чуть.

Ребята очень стараются. Ведь за то, как они приготовят обед, им тетя Тоня поставит оценки.

После обеда в кухню заглянули человек десять. То сухариков попросят у тети Тони, то дров нарубить предложат. Пришел и ее «хвостик» — Толя Беликин. Бывало, раздает она варенье по группам (по 50 граммов на каждого), а он обнимет ее сзади и ходит за ней.

— Что за хвостик за мной ходит? — спросит тетя Тоня, а мальчик ответит:

— Сынок твой.

Сынок да сынок — так и привыкли звать его. А потом на самом деле стал тети-Тониным сынком.

Помогал тете Тоне и Володя Ермаков — сильный, трудолюбивый мальчик. Бывало, забежит на кухню, а тетя Тоня скажет:

— Ничего у меня не кипит, Володенька.

— Что, мама, дров?

— Дров!

Пойдет, нарубит. А дрова не всегда были хорошие, вернее, чаще всего привозили краснотал, вербу. Мокрые, длинные. Корни в печке, а макушки около двери. Уж дети их рубят, рубят. А особенно старается Володя Ермаков.

Удивительный все-таки это человек — тетя Тоня! Деревенская русская женщина, с одним классом образования, столько пережившая сама. Была у нее дочка, вернее, есть и сейчас, ровесница детдомовцам, растила ее без мужа. Работы было — выше головы. Никто не знал, когда спит тетя Тоня, в семь вечера кончался ужин, а там — получала продукты на завтра. В полночь репетиция, часов так до двух. А там воза два картошки надо перечистить.

Правда, ребята хорошо помогали. Вот пришла Юля Щелкунова со своей подружкой Людой Варакиной. Надо сказать, они были две противоположности. Люда спокойная, тихая, а Юлька… О таких говорят, что она на боку дыру вертит.

Семилетняя Юля позже Люды попала в детдом вместе со своими сестрами. Среди трех сестер она была самая младшая. Отец у них погиб на фронте, а мать умерла. Всех новичков сначала помещают в изолятор. Карантин там нужно выдержать и все прочее. В изоляторе кровати заправлены белоснежными простынями. Чистота стерильная. Тихо. И Юля сразу поскучнела. Для начала она стала кидать в сестер подушками. А когда они пытались ее урезонить, пристыдить — смотри, мол, вон детдомовцы пришли (так уж повелось: привезут новеньких, все идут глядеть), — Юлька-кнопка, от горшка два вершка крикнула что есть мочи:

— Подходи, кто смелый!

Первым подошел Коля Кулюков. Как вежливый и вполне воспитанный мальчик, он представился. Юлька тотчас выдала частушку:

Сидит Коля на заборе,
Штаники латает…

Дальше в частушке было такое оскорбительное, что у Коли брови сошлись углом. Насупился. И сразу побежал жаловаться.

Через полчаса пришла воспитательница и сказала, чтобы Щелкунова попросила прощения.

— Какое еще прощение? — спросила Юля подозрительно тихо. А когда воспитательница попыталась объяснить ей, Юля сразу скисла, замолчала.

К ней подошла беленькая Люда Варакина. Взяла ее за руку. Глядя кроткими глазами на воспитательницу, просительно сказала:

— Вы не ругайте ее, Юля хорошая, Юля умница, а «кошка дура».

Юле это поправилось, она улыбнулась. А слезы — кап-кап. С тех пор девочки подружились и никогда не расставались.

Вот и сейчас они вместе пришли помочь тете Тоне.

Юлька с порога крикнула:

— Теть Тонь, а мы картошку чистить!

Без долгих разговоров она взяла нож, села на лавку верхом, пришпорила ее, как копя. И понеслась! Нож мелькает в руках, а Юлька старается изобразить скачку в такт частушке, которую тут же откуда-то выудила:

Девочки-девчоночки
Отбили печеночки.

Тетя Тоня хохочет.

— От девка — сатана! Да ты посмотри на свою подружку. Сидит как приклеенная. А ты?

— А я — как отклеенная, — тотчас парирует Юлька.

В кухню постучали. Было ясно, кто идет.

— Войдите! Войдите! — кричит тетя Тоня.

Но дверь не открывается. Коля Бузолин, краснощекий карапуз, никак не может осилить. Ему помогают. Он перешагивает порог, говорит «здласьте» и протягивает тете Тоне открытку. Повариха начинает причитать, сюсюкать.

— Ах ты, Настенка! Ах ты, умница! Что он принес, лапонька?

Настенка принес поздравительную открытку от Вити Высоцкого. Его перевели в другой детский дом, в Котово. Витя писал: «Здравствуйте, тетя Тоня! Поздравляю вас с Международным женским днем. Желаю вам наилучшего здоровья, успехов в работе. Я имею двойку, но исправлю».

Настенка видит, как довольна тетя Тоня. Он сейчас же использует этот благоприятный момент. Он поет:

Курица-красавица у меня жила,
Ах, какая умница у меня была!
Шила мне кафтанчик, шила сапоги,
Сладкие, румяные пекла мне пироги.
А когда управится, сядет у ворот,
Сказочку расскажет, песенку споет.

Спел. Протянул руку. Ждет, когда ему дадут пряник или конфету, — они всегда у тети Тони в столе для самых маленьких.

К концу дня тетя Тоня устала порядком. А ведь надо бы домой сбегать, посмотреть, как дочка день прожила. Уж совсем было собралась тетя Тоня, да вспомнила — завтра Восьмое марта. Значит, предстоит репетиция. Как ни крути, а домой она сегодня не попадет. «Ну, ладно, завтра я вам устрою», — сказала тетя Тоня сама себе и отправилась на репетицию.

А на следующий день по детдому прошел слух, будто тетя Тоня по случаю Восьмого марта забастовала, не работает. А вместо нее на кухне орудует новый повар. Любопытные повалили на кухню. Их встречал мужчина в гимнастерке, военных сапогах — видно, бывший фронтовик. На вопрос, где тетя Тоня, новый повар сначала брал под козырек, молодцевато отстукивал каблуками, потом рявкал:

— Не р-работает!

Пришла мать тети Тони.

— Это почему же не работает? — спрашивает она.

— По случаю Восьмого марта.

Старушка не унимается.

— Все работают, а Тоне моей праздник. Что за цаца, скажите на милость!

Мать тети Тони бежит к директору детского дома.

— Евгения Эдуардовна! Что же это получается? Все работают, а моя Тонька барыня?

— В чем дело? Почему Тоня барыня?

— Так вы не знаете ничего? Вместо Тоньки-то — мужик. Так и рявкает, так и рявкает. Это он умеет. А вот накормит ли он вас хорошим обедом — не знаю.

Женщины идут на кухню, чтобы расспросить хорошенько.

Евгения Эдуардовна вошла и обмерла. В самом деле — мужчина. Он галантно раскланялся, видимо, угадал начальницу.

— Иван Иванович, будем знакомы.

По какому-то едва уловимому жесту Евгения Эдуардовна поняла, что тут нечисто. Посмотрела на повара долгим внимательным взглядом, потом спросила:

— Тоня, это ты?

— Никак нет. Антонина Васильевна не работает.

Иван Иванович почему-то забубнил, как дьячок. Теперь уж отпираться было бесполезно. Тетя Тоня сорвала с себя усы, фуражку. Евгения Эдуардовна хохочет. Немного успокоившись, говорит:

— Ну и отлила ты, Тоня.

Решили эту шутку ребятам показать. Тетя Тоня, вернее, Иван Иванович, пошли с директором по группам, Евгения Эдуардовна говорит ребятам:

— У нас, ребята, новый повар. Иван Иванович. Прошу любить и жаловать.

Ребята ахали от такой неожиданности. Разглядывали придирчиво. Римма Колетвинцева расплакалась:

— А тетя Тоня?

Тете Тоне стало жалко Римму, и она разоблачилась, успела сказать только:

— Эх, Римма, весь спектакль испортила.

Но тут пошли такие аплодисменты, крики «ура»! Ребята повскакали с мест, окружили тетю Тоню и Евгению Эдуардовну. От полноты чувств кто-то запел «В лесу родилась елочка». Всем стало радостно, и ребята засмеялись. Римма Колетвинцева тоже успокоилась и спросила к всеобщему удовольствию:

— Теть Тонь, а пышки завтра будут?

— Эх, куда же я от вас денусь? Будут вам пышки, будет и свисток!

Первые шаги

Как сейчас, всплывает в памяти тот день, когда мы, несколько девушек, окончивших педучилище, переступили порог детского дома.

В двух небольших комнатах находились около сорока ребят разного возраста. Они подняли глаза и с любопытством посмотрели на нас.

Вот вышел на середину комнаты трехлетний Гриша Заводюк. У него тонкие ножки и огромный живот.

Сдерживая слезы, я невольно отвернулась.

Все эти Вали, Гриши, Коли, Томы перенесли на своих детских плечах тяжесть войны. Это дети Сталинграда, дети фронта, дети войны…

Немного пришлось поработать в коклюшном отделении, где было еще труднее. Дети не забыли пережитого. Кроме того, болезнь: громкий кашель, рвота, порой кровотечение от сильного напряжения. Дети только ели, мало играли. Иногда ходили на прогулку или слушали сказку.

Позже меня направили в группу трехлеток. Эта группа считалась самой трудной.

Вторая смена. Вхожу в спальню. Дети спят на коечках. Познакомилась с планом работы.

Проснувшись, дети приветствовали меня радостными криками: «Другая мама пришла!»

Я не была мамой, но когда двадцать ребят, пухленьких, кругленьких, сказали «мама», мне почему-то их стало жалко-жалко…

Многое обязана я дать этим детям, поняла я, нужно заменить им родных, близких людей, вернуть детство, которое хотели отнять у ребят фашисты.

Крепко пришлось поработать, чтобы добиться уважения детей и порядка во время занятий.

Дети ни за что не хотели спать днем. Все они лежат на коечках, но не спят. Подхожу к каждому. Укрываю получше, говорю что-нибудь ласковое. Встает Шурик Кулаков, берется ручонками за спинку стула и прыгает. На замечание, уговор воспитателя не обращает внимания. Выждав удобную минуту, приподнимается Толик Чепель и кричит: «Шурик, скажи: кукушка». Шурик говорит протяжно: «Ку-куш-ка!» И смеется. Смеются все и прыгают. Им три года, мне в несколько раз больше, их двадцать — я одна. Как быть?

Оказалось, дети не знают, кто такая кукушка.

Нашла картинку с нарисованной на ней кукушкой (дело было зимой).

— У нее есть детки? — спросила Поля.

— Да, у кукушки тоже есть детки-малышки, как вы.

Кто-то шевелит головой. Подхожу ближе — Письменный Ваня.

— Ваня, почему ты не спишь?

— Жалко маму, она умерла.

— Кто еще есть у тебя?

— Петя, братишка, бабушка.

— Они будут любить тебя…

Ваня — худенький, хрупкий мальчик. Он ничем не интересуется. На музыкальные занятия, которые все дети очень любят, никогда не ходит. «Мама, я не пойду на занятия», — спокойно заявляет он.

Ваня не любит коллектива. С каким вниманием дети слушали сказку, смотрели картинки, кукольный театр! Ваня с улыбкой отходил от ребят.

Он худел, становился капризнее. Вот он подходит к вешалке, сбрасывает пальто на пол. Его кто-то обидел?

— Так нельзя делать! Пальто станет грязным, на прогулку в чем пойдешь?

— И буду, и буду так делать! — упорно повторяет Ваня.

Глаза его искрятся злобой, он нервничает.

Как привлечь Мальчика к коллективу? Как заставить жить интересами всех? Как заставить спать?

Осень. Мы на прогулке. Дети разбрелись по траве. Подбегает Ваня, радостный, довольный. Протягивая руку, говорит: «Мама, я козявочку нашов!» «Какая красивая козявочка! — восклицаю я. — Рассмотрим ее получше». Несколько ребят подошли к нам. «Козявочка. Це я поймав!» — объясняет Ваня. Лицо его сияет. Он радуется. Оказывается, Ваня любит природу. С какой осторожностью держал он козявочку! С каким интересом считал, сколько у нее ножек.

Пришло письмо от бабушки из Рудни. Ваня внимательно слушал письмо.

После, довольный, рассказывал всем, торжественно показывая письмо.

— Ваня, почему ты не спишь?

— Где бабушка?

— В Рудне. Когда будет тепло, она приедет за тобой.

— Там есть детский дом? Булочки там дают? А шоколадки? — засыпал вопросами обычно молчаливый Ваня.

Внимание воспитателя успокоило Ваню.

Опять бессонница. Поставив стул рядом с койкой Вани, положила руку на его голову: «Закрой глазки, уснешь».

Через несколько минут ребенок спал. Теперь достаточно постоять немного у его койки. Физически тоже окреп. Нервничает меньше. Вырос, посвежел, на щеках появился румянец.

Но еще много потребуется потрудиться воспитателям, чтобы приобщить Ваню к интересам детей.

Говорят, что скоро увезут Ваню в Руднянский детский дом по просьбе бабушки. Жаль расставаться с ним.

Воспитательница Шалаева.

Апрель 1945 г.

Малыши

Вхожу в спальню трехлеток. Увидав меня, Славик, всплеснув руками, радостно вскрикивает: «Другая мама пришла!».

Малышам хочется иметь около себя самого близкого и дорогого человека. Я их понимаю. И охотно отзываюсь на маму. Это приближает нас к семейной обстановке, создает уют и теплоту. У детей быстрее сглаживается пережитое горе.

Вот Вадик Богатырев, маленький, почти круглый малыш. Он, как шарик, катается по двору, а красная шапочка делает его похожим на грибок. Он любит, лежа на животе, рыться в песке. Ведет себя очень самостоятельно и независимо.

Когда его привезли в детский дом, он сидел, поджав ноги, на стуле и казался годовалым ребенком. Директор невольно воскликнула: «Ой, какой маленький, что же мы с ним будем делать!»

Сестренка его, Аля, рассказала, что их папа на войне, а маму убило, когда они бежали на переправу. Вадика мать заслонила своим телом. Из-под трупа матери его достал красноармеец. «Я думала, что он убит, с него текла кровь, но он оказался жив и даже не ранен. Это была кровь мамы».

Шурик Андреев поступил в детский дом с большущим животом, тоненькими, как палочки, ножками. Он не мог двигаться. Его положили в больницу. Через некоторое время Шурик поправился, и я была свидетелем его радостной улыбки.

Маленький Юрик говорит еще плохо. Заложив руки за спину, выпятив живот, он важно прохаживается между детьми, потом, усевшись на полу — ножки калачиком, — начинает громко что-то напевать. Дети притихли, слушают его, потом громко смеются. Юрик не обращает на них внимания, продолжает развлекать себя.

Нет ничего приятнее, чем срывать плоды своего труда.

Много их здесь, малышей! Каждый хорош по-своему. Все эти малыши подобраны военными дядями, которые жалели, кормили, давали конфеты, устраивали их в наскоро организованные пункты по приему сирот. Они часто вспоминают своих спасителей. «Когда я подрасту, — говорит Юра Абросимов, — я буду работать около пушки, чтобы сразу перебить всех фашистов».

Прошло ровно семь месяцев, как я работаю с этой группой. Группа увеличилась вдвое. У Арькова Шурика нашелся отец, у Эйсмана Яши — тетя. Их взяли домой. Остальные дети живут дружно, весело, одной семьей.

Они заметно подросли, за лето хорошо поправились, окрепли. Расширился их кругозор, любознательность.

Витя Болотов первое время рисовать не мог. Начертит какой-то штрих неопределенной формы или вылепит из глины что-то непонятное, и все. Сейчас Витя, Галя, Коля и многие другие хорошо рисуют веточки, елочки, лодки, яблоки, лепят из глины пароходики, танки, лодки.

В играх выявляются индивидуальные особенности ребят. Вот Славик Барабашин изображает прачку, торопится быстро постирать белье для детей. Просит Колю и Ваню привезти ему воды на машинах. Ваня и Коля с большим удовольствием выполняют просьбу своей «прачки». Девочки Галя и Маня развешивают уже готовое, постиранное белье.

Приближается зима. Чтобы детям не казались зимние дни мрачными и долгими, постараемся приобрести саночки и организуем катание с горы. Будем по возможности чаще гулять на свежем воздухе, чтобы дети росли крепкими, бодрыми и не

чувствовали себя покинутыми и обиженными.

(*Из воспоминаний воспитательницы Ольги Павловны Широковой, записанных в июне — ноябре 1944 г.*)

«Как же я скажу про маму…»

Праздником ребята были заряжены с вечера, поэтому утром никого не надо было тормошить и подгонять: все проснулись как по команде, даже чуть раньше положенного. Никто не хныкал и не отлынивал от умывания, наоборот, зубы чистили с утроенной силой, так, что воспитателю пришлось за них заступиться («Что же вы набросились на них, как на врагов?»). На гимнастике очень старались. И аппетит перед завтраком волчий. Без лишних разговоров построились, чтобы идти в столовую.

И тут в группу шестилеток заглянула Евгения Эдуардовна, директор детского дома. Она приветливо поздоровалась с детьми, и строй сломался. Ее окружили, облепили, наперебой стали спрашивать, какие сегодня будут подарки в честь праздника.

— Подарки дадут, и обязательно, — сказала она, — но какие именно — это секрет и даже военная тайна. А какой сегодня праздник, ребята?

Дети живо откликнулись:

— Самый главный и хороший.

— Когда буржуев победили…

— И самого царя!

Евгения Эдуардовна добавила:

— Двадцать седьмая годовщина Октября.

Она почувствовала, как кто-то потихоньку теребит ее за юбку.

— Что тебе, Галочка?

Всех детей она знала, каждого ребенка, поступившего в детский дом. Вот хотя бы эта девочка. Год назад ее привезли сюда чуть живую, не знали, в чем душа держится. Она страдала тяжелейшей формой нервного расстройства, бессонницей. Не спала ни днем, ни ночью: кричала, вскакивала, боялась остаться одна, не отпускала ни на шаг ни воспитателя, ни ночную няню. На глазах у этой девочки немцы убили мать, сестренку и брата.

Евгения Эдуардовна подхватила девочку, легкую, как перышко, на руки, осторожно поцеловала.

Ободренная такой лаской, девочка пропищала:

— А пышки с кислым молоком нам дадут сегодня?

Такую просьбу высказывали ребята накануне детдомовским поварам. И хотя с продуктами очень туго, желание ребят старались исполнить, чтобы отвлечь их от переживания и подкормить — многие страдали дистрофией. И воспитатели, и директор были счастливы, если им удавалось сделать для детей что-то хорошее, как, например, вот эти пышки с молоком. Это кушанье ребята ели давным-давно — до войны.

Евгения Эдуардовна шепнула сначала только для Галочки: «Будут, будут», — а потом громко сказала:

— Колхозники прислали нам муку и молоко, поэтому тетя Тоня угостит нас сегодня пышками с кислым молоком.

Это сообщение привело всех в неописуемый восторг. Евгения Эдуардовна отпустила Галочку и стала пробиваться к Вове Милову: ради него она и зашла в группу.

Он один никак не прореагировал на сообщение об угощении. Это очень расстроило Евгению Эдуардовну. На сегодняшний день возлагались большие надежды: если сегодня Вова Милов примет участие в празднике — значит, в его настроении наступил перелом. А если нет, что тогда делать? Кажется, испробовали все…

Вова Милов на сегодняшний день был, пожалуй, единственным ребенком во всем детском доме, который все еще находился по ту сторону жизни вот уже год.

То, что сказал однажды этот пятилетний ребенок поздно ночью кубовщице тете Домне, а потом повторил неоднократно другим, всех потрясло, вышибло из колеи. Никто не знал, что сделать, чтобы истребить, сгладить, нейтрализовать потрясение маленького человека.

Это случилось поздно ночью, когда дети едва затихли. Но тишина была такой обманчивой и хрупкой — всегда казалось, что она вот-вот сломается, рассыплется. То вздох, то всхлипы, то шлепанье босых ног. Эти звуки, иногда явственные, иногда похожие на призрачные шорохи, всегда действовали на взрослых, как сигнал тревоги, который может прозвучать в любую минуту. И тогда тишина взорвется плачем и стенанием этих маленьких людей — им приснится сон, который выхватит из памяти тот страшный час нечеловеческого испытания, когда на твоих глазах умирает мама. И этот сон опять и опять потрясет детскую душу так, как в первый раз. И раздастся жуткий крик. Дети потом долго лежат с широко открытыми глазами. И не дай бог натолкнуться на этот взгляд. Не один седой волос прибавится в такую ночь у няни.

Вова Милов боялся закрывать глаза, потому что, как только он их закрывал, на него наваливалось что-то тяжелое и страшное, от чего, ему казалось, он не сможет никогда освободиться. И в эти мгновения сразу появлялась мама. Даже не она сама, а ощущение, что она где-то рядом. А где, он не мог понять, этот пятилетний человек. Он только чувствовал — за какой-то чертой, за какой-то стенкой, какой-то горкой, за какой-то речкой. И матери так же трудно дышать, как ему сейчас, потому что и на ее грудь навалилось что-то тяжелое, неподвижное и страшное. И

мальчишка готов был карабкаться на какую угодно гору, прошибить лбом стенку, переплыть речку, чтобы сбросить с матери эту жуткую тяжесть.

…Гора оказалась слишком крутой и сыпучей — из-под ног то и дело срывались камешки и с тихим шуршанием катились вниз. Каждый шаг давался с большим трудом, но мальчишка карабкался изо всех силенок. Он хватался за все, что попадалось под руку, — за травинку, за кустик, за острые выступы. На середине горы он почувствовал, как нестерпимо палит солнце — голова раскалывается, хочется пить, а руки и ноги вдруг ослабели так, что он бросил гору, как бросают непосильную ношу, бросил с каким-то отчаянием — будь что будет! И он покатился вниз, но не бревнышком, как однажды катился с ледяной горки, и не кубарем, когда пересчитал ступеньки деревянной лестницы, которая была в их доме, где он жил с мамой, старшим братом и бабушкой. Володя упал с горки камнем, как падает птица, сложив крылья. И вдруг полетел! Ведь дети часто летают во сне — они же растут.

Володя раскинул руки и почувствовал, что набирает высоту. Ему стало легко и радостно. Он пролетел то место, откуда сорвался, и его тень легко заскользила по травинкам и камешкам, иногда расплющиваясь на очень крутых выступах. Ощущение полета родило в нем необузданный восторг — он почувствовал, как забилась на виске жилка, как затрепетало сердце. Он летел бесконечно долго, и восторг все нарастал и нарастал в нем. Вдруг гора кончилась, и Володя очутился в бездонной синеве неба. Небо было чистым и бесконечным, и он полетел, как поплыл. Это было труднее, и он стал уставать и начал медленно погружаться с открытыми глазами. Он увидел желтую речную воду, которая зажурчала в его ушах, забулькала в носу. Ему стало трудно дышать, даже совсем невозможно, но мамины руки подхватили его под животом, и он в одно мгновение очутился на поверхности. Так мама учила его плавать. Вот и сейчас она скомандовала: «Ногами, ногами работай!» И он послушался. Оттолкнулся и — р-раз! Оттолкнулся — два! Семимильными шагами помчался по водной глади, ставшей вдруг упругой, как туго натянутый шелк. И вот он опять летит, спешит к белому зыбкому облаку — одному-единственному на всем небе. Облако — это мама в белом платье. Она манит его и смеется. Он не видит лица и не слышит смеха — она еще далеко. Но так всегда было, когда он бежал к ней сломя голову и хохотал от восторга, и она тоже смеялась и расставляла руки, чтобы он не упал, если споткнется. И когда она ловила его, тотчас подбрасывала чуть выше лица своего, и он смотрел в ее лицо чуть сверху и ждал

момента, когда она опустит его на грудь и он обовьет ее шею крепко-крепко и почувствует своей щекой ее щеку, такую теплую, такую родную. И ничего ему больше не надо, только мамино тепло, только ее дыхание. Это должно быть всегда, всегда. Он без этого не может больше ни минуты, ни мгновения. Вот сейчас он долетит до своей мамочки и обнимет ее и никогда ее не отпустит — никогда. Мама все ближе, ближе, вот уже и руки протягивает! Он хватает ее пальцы, но они срываются. Мама уже не смеется. Она почему-то печальна и все пятится, пятится. А он все не может дотянуться до ее рук. И вот наконец коснулся, схватил и крепко сжал кулачок. Но это, оказалось, не мамина рука, а тоненькая ниточка. А на ниточке то самое облако, похожее на легкий шар. Он так и рвется из рук. Но Володя ни за что не выпустит его — ведь он же знает, что это мама. И вдруг на него обрушивается нарастающий вой пикирующего самолета. Он в панике бежит уже по двору и слышит, как мама кричит ему что-то, а что — разобрать невозможно. Кажется, взорвалось само небо. Он летит, оглушенный, по воздуху и врезается в куст сирени. Ему больно и страшно, он кричит. И… просыпается. И все дети кричат — так бывает каждый раз, когда над Дубовкой пролетают самолеты.

В комнату вбегают ночная нянечка и дежурный воспитатель. Они мечутся между кроватями, успокаивают ребят. Володя затих раньше всех, потому что стал вспоминать свой сон. Он вспомнил его весь до мельчайших подробностей. Даже руки раскинул, как во сне: ему хотелось снова полететь к маме. Но он остался лежать, пригвожденный тяжестью, которая вдруг снова навалилась на него, схватила его жадными руками. Он долго лежал неподвижно, с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Вспомнились другие сны, в которых являлась к нему мама, но они никогда в этих снах не были вместе. Сердце его зашлось от жалости к самому себе, мелко-мелко заколотилось — в эти минуты он постиг страшное слово НИКОГДА. Заплакал тихо и бесшумно. И чем горше плакал, тем сильнее ему хотелось к маме. Иногда ему казалось, что он вот-вот умрет от горя. И как только он умрет, сразу встретится со своей мамочкой. Как только он подумал об этом, сразу поверил в то, что это единственная возможность. «Надо умереть самому!» — твердил он и стал ждать, когда это случится, а как это сделать, он не знал.

Вот тогда на пороге спальни и возник Вова Милов, босой, в одних трусишках. Он был довольно спокоен и решителен, просто ему надо было найти человека, которому он хотел что-то сказать. Ночная няня куда-то отлучилась, поэтому он отправился на поиски живой души. В кубовой комнате, где грели на завтра воду,

он набрел на тетю Домну. Он подошел к ней и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Тетя Домночка, убейте меня, я не хочу жить.

— Зачем ты такое говоришь, Вова?! — как можно строже и спокойнее спросила женщина, а у самой внутри все похолодело.

— А что же, у меня нет мамы…

— Я буду твоей мамой, хорошо? — ласково спросила его тетя Домна. Володя улыбнулся и пожал плечами — он вежливо давал понять, что никто ему не может заменить маму, потому что мамы нет, ее убили, и он видел как.

Позже Евгения Эдуардовна Волошко в рукописной книге «История Дубовского специального детского дома», датированной 1944–1945 годами, запишет: «…Часто можно было слышать от Володи Милова это настойчивое, дикое требование: „Убейте меня, я не хочу жить“».

Не верилось, что эти жуткие слова говорит пятилетний ребенок… Тоска по матери сделала его замкнутым и угрюмым, но Володю тяготило одиночество, и он стал озлобленным. Помню, был праздник, шли гости на детский утренник. Володя стоял в стороне и со злобой бил в дверь, дико оглядываясь на всех. Я подошла к нему, взяла его на руки, спросила: «В чем дело, Володя?». Оказалось, что он увидел военного, пришедшего на праздник, и это вызвало воспоминание об отце. Я отнесла его и передала на руки капитану — дяде Коле, так звали его дети. Дядя Коля обнял Володю, поцеловал и посадил к себе на колени. Володя успокоился.

Весь коллектив старался больше уделять внимания Володе, ему приносили игрушки, читали книжки. Разыскали его бабушку в Сталинграде, она приезжала навестить. Отыскали в Ларинском детском доме его восьмилетнего братишку Юру и привезли к Володе. Володя повеселел, все реже и реже стали слышать это страшное, не по возрасту, желание смерти.

Незадолго до праздника в жизни Володи произошло еще одно радостное событие — его отец прислал с фронта письмо. Когда об этом сказали братьям, они, конечно, возликовали, только с Володей вдруг случилась истерика. Сквозь рыдания и слезы он повторял одну и ту же фразу: «Как же я скажу, что нет мамы…»

И вот сегодня он грустный, не радуется, как все, пышкам с кислым молоком. Наверное, обдумывает предстоящую встречу с отцом и то, как он скажет ему про маму…

Евгения Эдуардовна положила руку на Володину голову и ласково поворошила короткий ежик, потом присела перед ним на корточки и спросила таинственным шепотом:

— Ты видел свой костюм?

— Нет, — сказал Володя.

— Тельняшка настоящая и матросский воротник. Представляешь?

Володя оживился. Евгения Эдуардовна тихонько ему напела: «Эх, яблочко, куда ты катишься». Этот матросский танец Володя должен плясать сегодня на утреннике.

— Спляшешь? Только резче топай, как настоящий матрос, договорились?

Володя улыбнулся и сказал:

— Я есть хочу…

— Пора в столовую.

Пышки ребята ели так, что аж за ушами пищало, просили добавки. Повара не жалели — напекли вдоволь. Из-за стола едва вылезли. Но тут они услышали музыку и побежали в зал, на утренник. Когда объявили матросский танец в исполнении Вовы Милова и он лихо выскочил на сцену и топнул изо всех сил ногой так старательно, что сбился с такта, и Евгения Эдуардовна, и воспитатели, и нянечки, и повара почувствовали, что в эти минуты к Володе наконец-то вернулось детство.

Встречи

В детском доме ребятам было хорошо, и все-таки каждый тосковал по своей родной мамочке, не мог забыть ее, даже когда его забирали в семью, усыновляли.

Леночка Бесфамильная попала в детский дом в четырехлетием возрасте. Как и многие, она страдала бессонницей, была замкнутой и молчаливой, часто плакала. С ней долго возились и наконец вывели из этого состояния. Леночка стала жизнерадостным очаровательным ребенком. Жизнь ее круто изменилась — Леночку взяли в семью муж с женой, чья дочка утонула. Леночка так была похожа на нее. Девочка полюбила своих приемных родителей. Окруженная заботой и лаской, она, казалось, забыла все, что произошло с ней два года назад. Но это только казалось.

Однажды Леночка рассматривала картинки в журнале. Особенно ее поразила одна. Девочка дико вскрикнула, побледнела и бросилась, дрожащая, к бабушке. «Бабушка, это он убил мою маму!» — «Леночка, что ты, милая, ведь у тебя мама жива и папа тоже». — «Нет, не эту, а настоящую мою маму».

В каждом военном, который приходил в детский дом, ребята видели своего отца.

5 декабря 1943 года к детскому дому подошел мужчина в старой потрепанной шинели, худой и бледный. Евгения Эдуардовна с трудом узнала о цели его посещения— так он волновался. Оказывается, он разыскивал своих детей — близнецов пяти лет, сына и дочь. Его пригласили в дом. Дети бросились к нему с криком «папа». При виде детей мужчина разрыдался. Выяснилось, что его дети — близнецы — были в Дубовском детском доме всего одну ночь и отправлены в Сталинградский детоприемник. Мужчина по фамилии Дудников рассказал, что он из рабочего батальона, его отпустили разыскать детей. У Дудникова есть еще и старший сын, он на фронте, подполковник. О судьбе других членов семьи он ничего не знает. Через некоторое время с фронта пришло письмо от полковника Дудникова. Он разыскивал сестренку и братишку, близнецов, а также отца.

Этот и другие случаи, когда дети спрашивали военных гостей: «Вы моего папу не видели на фронте?», «А где мой папа?» — убедил Евгению Эдуардовну в том, что розыск родителей детей — дело первостепенной важности. Как ребенку в детском доме ни хорошо, но если найдется отец или мать — это будет огромным счастьем.

В рукописной книге Евгения Эдуардовна записала:

«Дети наши почти все из Сталинграда. С целью разыскать их родителей или родственников мы послали сталинградским заводоуправлениям письма со списками детей. Через некоторое время мы начали получать письма от рабочих заводов. Рабочая СТЗ Терновая разыскивает свою дочь Валентину, которую мы уже направили в школьный детский дом. Мы сообщили ее адрес.

Из бесед с детьми устанавливаем хотя бы приблизительное местонахождение родных.

Пришло письмо от Нины Козловой ее братишке Вите Козлову, который так скучает о ней.

Из 168 воспитанников детского дома за год взято родителями 5 человек, родственниками — 5 человек, усыновлено 2 человека. Семь ребят получают письма от сестренок и братишек. С фронта пишут письма отцы Гены Деревянченко, Гены Шаталина.

Отец Вовы, Аркадий Павлович Милов, пишет коллективу. работников детского дома письма, полные благодарности за воспитание сына.

„Своей заботой о детях, родители которых воюют на фронтах Отечественной войны, вы поднимаете наш боевой дух, мы смело идем в бой, чувствуя, что наши дети находятся в надежных руках. До этого времени я смело бился с врагом, имею две правительственные награды. Теперь же я еще смелее буду сражаться с врагом, потому что спокоен за своего сына. Кто знает, какая судьба ждет впереди, может, придется погибнуть: война есть война. Главное не это. Главное то, что наши дети не будут валяться под забором, им дадут нужное воспитание и счастливую веселую жизнь, а они принесут нам великую благодарность впоследствии“.

Аркадий Павлович очень хотел увидеть своего сына хотя бы на фотографии. С большим трудом мы нашли фотографа и послали на фронт отцу фотографию сына. Как был рад Аркадий Павлович!

Решили послать списки детей на фронт по адресу Милова — с ним много сталинградцев, — может быть, найдется еще чей-нибудь отец.

Ноябрь 1943 г.»

«Мы жили в Бекетовке. Папа пошел воевать с немцами. Мама поехала в город. Когда немецкий самолет бросил бомбу, то попал прямо в вагон, где была мама, и ее убило. Была у меня сестренка Катя, но я не знаю, куда она делась».

Январь 1944 г.

Вася Васильев, 5 лет.

Мысли детей о войне

Приближается вторая годовщина разгрома немцев под Сталинградом. Прошло два года, как наступила тишина. Два года, как идет созидательная работа в городе. За эти два года детский коллектив нашего детского дома сильно изменился. Дети окрепли физически, окрепла их нервная система.

Начался учебный год. 50 ребят семи-восьми лет пошли в школу. Прошла первая четверть, и снова почувствовалась нервная напряженность детей. Появились беспричинные капризы, слезы, быстрая возбудимость.

Часто дети в разговорах со своими товарищами вспоминают дни великого сражения. Галя Иванова рассказывает: «Мы долго сидели в окопах, мы уже привыкли там сидеть, а когда становилось тише, мы выходили из щелей поиграть».

Арчакову Ване, смелому черноглазому мальчику, четыре года. Ему делают замечание, что, раздевшись, бегать нельзя, он может простудиться и умереть. Ваня, нисколько не смущаясь, заявляет: «А мертвых в яму кладут, там лучше. Я там сидел, туда ни одна пуля не прилетит».

Дети давно не слышат орудийного грохота и разрыва бомб, они играют, потом гуляют, купаются в Волге, но ни на минуту не забывают, что война продолжается. Они неспокойны, они с нетерпением ждут конца войны.

Группа детей-семилеток играет в Красную Армию. Усадив всех в круг, Юра Затонский спрашивает: «Ну, все успокоились?» Лида Шандишова недовольно заявляет: «Мы успокоимся только тогда, когда война кончится».

«Почему же ты сейчас неспокойна?» — спрашивает воспитательница.

«А то, что до сих пор война, бомбежки и раненых везут. Разве это спокойствие?»

Кровная обида, нанесенная фашистами, не может быть забыта детьми. В их маленьких сердцах горит большая ненависть к врагу, причинившему им столько горя.

Шестилетний Гена Орлов с жаром говорит своим товарищам: «Я хочу быть советской миной, буду лететь сверху и прямо в сердце фрицу, как разорвусь там, так разлетится фриц на куски!»

Пока Гена высказывал свое желание, Толя Гончаров придумал тоже: «Я, как вырасту большой, буду танком „Александр Невский“, как заеду в фашистский тыл, так всех фашистов передавлю!»

Витя Козлов далек от фантазии, он смотрит на вещи реально.

Он сознает силу коллектива и с азартом заявляет: «В детдоме нас много, и я обязательно вырасту, отомщу за маму!»

Юра Абросимов: «Я буду работать около пушки».

Дети стараются узнать, кто же начал войну. Так пятилетний Боря Яхонтов, обращаясь к воспитателю, спрашивает: «А кто начал войну, Гитлер?» «Да, Гитлер», — отвечает воспитательница. Боря болезненно сжимается и с ненавистью произносит: «Эх, если бы Гитлера сейчас привезли к нам, в детский дом, мы бы его подвесили за макушку, а я бы подошел к нему, отрубил бы ему ногу и сказал: „Вот тебе за мою маму!“».

Находясь в окружении, малыши видели своими глазами, как фашисты издевались над русскими детьми. Так Юра Арчаков видел, как немецкий танкист наехал на трехлетнюю девочку, потом вышел из танка, взял тряпку и отбросил труп с дороги.

В разговоре с воспитательницей пятилетняя Зина Герасенко с любопытством спрашивает:

— Клавдия Борисовна, а у фрицев бывают маленькие фрицата?

— Да, бывают, — отвечает воспитательница.

— А наша Красная Армия, когда дойдет до Германии, то всех фрицат побьет?

— Нет, Зина, наша Красная Армия воюет не с детьми немецкими, а с фашистами, — поясняет воспитательница.

В разговор вмешивается Толя Гончаров. Он уверенно поясняет:

— Скоро рассердятся германские дети, возьмут Гитлера и растерзают его.

Толя очень впечатлительный. «Когда вы нам про панфиловцев рассказываете и я песню пою, то мне кажется, что я смелый и не в детдоме, а на фронте и всех немцев бью!»

Любимые игры детей— в войну.

Вот как об этом вспоминает воспитательница Ольга Петровна Фокина.

«Я читала ребятам о Герое Советского Союза летчике Талалихине, показала его фотографии — портрет и его снимок около сбитого им мессершмитта. И все захотели быть летчиками. „И я! И я!“ — говорят наперебой Юра Затонский, Коля Краевский, Толя Беликин. А когда Юре Арчакову приготовили костюм летчика ко Дню Красной Армии, все захотели быть похожими на него.

„Мы будем летчиками!“ — в восторге кричали ребята из звена Юры Арчакова, а звену Гены Иванова они предложили быть танкистами.

„Ольга Петровна, — обращаются к воспитательнице Коля

Андреев, Толя Ткаченко, Толя Родионов, — мы большие и ведь еще больше вырастем, а мы тогда в танк уместимся?“

— Ребята, я видел одного танкиста в три раза больше тебя, Толя, он заберется в танк, его совсем не видно, — говорит Юра Милов.

— И я! И я видел большого танкиста. Бо-ольшой! — говорит Фима Батмаев, высоко подняв руки над головой.

После того, как я прочла детям книжку о разведчиках-комсомольцах, они несколько дней играли в разведчиков. Стали дружнее, все выполняют вместе, слушают своего командира.

Поэтому для них боец с красной звездочкой — самый желанный гость в детском доме».

Декабрь 1944 г.

Друзья детей

В районе Дубовки стоит воинская часть технических войск генерал-майора Довгаля. Главная помощь военных — транспорт. Воинская часть ежедневно подвозит 150 ведер воды, помогает детскому дому перевезти дрова, сено, уголь, овощи, выделяет в случае необходимости парикмахера, печника, электромонтера, баяниста для проведения музыкальных занятий с детьми.

На детских праздниках всегда присутствует много представителей от воинской части. Особенно дети уважают капитана Пучкова (дядю Колю).

Тесную дружбу дети ведут и с дядей Митей, с которым они познакомились на прогулке.

Дядя Митя, встречая детей на улице, останавливал свой мотоцикл и давал возможность каждому ребенку посигналить, рассмотреть машину, поговорить.

Однажды дети задумали пригласить дядю Митю на свой праздник. Они пошли в штаб и заявили об этом. Но в штабе не знали, какого дядю Митю нужно пригласить, т. к. дети не знали фамилии своего любимца. И капитану Пузову пришлось звонить по всем точкам, чтобы обнаружить дядю, которого любят дети.

Как-то к детям зашел генерал-майор Довгаль. Дети показали ему свой огород на окнах: лук, укроп, петрушку.

Они с интересом рассматривали генеральские погоны, примеряли папаху и по-дружески расстались с дядей Васей (так он себя отрекомендовал).

Приходили красноармейцы, приносили детям иллюстрированные журналы, а один раз принесли винтовку, и дети с большим интересом рассматривали ее.

В день 25-летия комсомола детей пригласили выступить с самодеятельностью в офицерском клубе на торжественном заседании. В восемь вечера к детскому дому подъехали две легковые машины, и маленькие артисты с возгласами радости покатили в клуб. Эта поездка запомнилась надолго.

Февраль 1944 г.

Е. Волошко. (Из рукописной книги Дубовского детского дома).

Гости с фронта

Третьего мая день был пасмурный, даже холодный. Евгения Эдуардовна пришла из райкома и сообщила, что к нам, в детский дом, едут гости — гвардейцы с фронта — и везут детям подарки.

Стоявший недалеко Толя Гончаров быстро побежал по лестнице с возгласом:

— Ребята! Ребята! К нам едут гвардейцы с фронта!

— Кто тебе сказал? — спросили его ребята.

— Сейчас сказал директор, что они уже скоро будут здесь. Час назад они выехали из Сталинграда!

— Ребята, давайте приведем в порядок комнаты, — говорит Нина Корбакова, — приедут гвардейцы и увидят, какие мы умные!

На дворе моросил мелкий дождик. Дети стояли на верхней веранде перед окнами. Взоры их были устремлены на чуть видневшуюся полоску степной дороги, ведущей в Сталинград.

— Ребята, а кто такие гвардейцы, вы знаете? — спросила воспитательница.

— Знаем! Это самые храбрые воины. Это они прогнали немцев из Сталинграда, а гвардейцы-панфиловцы не пустили их в Москву! — с гордостью восклицает То ля Гончаров.

— Смотрите, смотрите! Машины едут!

На дороге показались три движущиеся точки. Дети столпились у окон и с напряженным вниманием смотрели вдаль.

Через несколько минут подъехали еще две грузовые машины с подарками.

Ребята всегда с нетерпением ждали гостей, шефов из воинской части.

Обычно после ужина дети шли в спальню, но на этот раз, в честь приезда гвардейцев, детям разрешили побыть в зале с гостями.

Ослепительно яркий электрический свет и красиво украшенные стены зала придают какой-то необыкновенный уют, и кажется, что в этот вечер как-то особенно тепло смотрят с портрета глаза Владимира Ильича Ленина, и он вместе с детьми радуется этому большому событию.

Дети, окружив гвардейцев, с интересом рассматривают их погоны, гвардейские значки, желая хотя бы прикоснуться к людям, которые совершают большие подвиги, о которых они, дети, рассказывают стихи, поют песни и мечтают сами стать такими же.

Шестилетний Толя Гончаров трогает кудрявые волосы майора Суворова, спрашивает:

— Дядя, а вы тоже гвардеец?

— Да, гвардеец, — отвечает майор.

— Значит, вы тоже храбрый.

— Дядя, а вам на фронте дают сметану? — спрашивает Толя и, не дождавшись ответа, говорит: — Нет, вам на фронте нельзя есть сметану, потому что немец может вас окружить — ведь сметану едят маленькой ложечкой, а это очень долго.

Погостив два дня, гвардейцы хорошо ознакомились с жизнью детского дома. Седьмого мая дети проводили их до пристани, гвардейцы уехали в свою часть. Они повезли письма на фронт от

детей и коллектива работников Дубовского специального дошкольного детского дома.

8 мая 1944 года.

Воспитательница Косицына.

Письмо гвардейцам

Привет защитникам Родины!

Здравствуйте, дорогие бойцы и командиры! Мы, дети Дубовского специального дошкольного детского дома, шлем вам свой горячий привет и желаем вам скорой победы над ненавистным врагом!

Живем мы в детском доме хорошо и весело. Проводим интересно все праздники. Первого мая у нас был утренник. К нам приходили гости, военные и гражданские, брали нас к себе на колени, а мы им пели и плясали, а после утренника нас катали на машинах по городу. Наши воспитатели сшили нам хорошие костюмы, украинские и грузинские, и очень красиво убрали зал. Толя Гончаров очень любит слушать рассказы про наших героев-полководцев, и когда Клавдия Борисовна рассказывает про Чапаева, то Толя воображает, что он едет на коне и кричит: «Ура!»

Наши воспитатели нас очень любят, они для нас как мамы, и мы их любим. К нам в детский дом часто приходят гости, и все нас ласкают. Мы обещаем еще лучше слушаться наших воспитателей, а еще большое спасибо вам, наши дорогие дяди, за ваш подарок, который вы нам прислали.

Мы очень любим, когда нам о вас, фронтовиках, рассказывают. Мы даже умеем стихи про вас сочинять. Клавдия Борисовна рисует нам военные картинки, а мы про них сочиняем стихи. И вырезать всяческие узоры мы тоже умеем, и игрушки делать умеем. Мы обещаем вам чаще писать письма, и вы нам пишите.

Дети группы шестилеток: Толя Гончаров, Витя Козлов, Нина Корбакова, Галя Скутнеева и другие.

Воспитатели: Клавдия Борисовна Косицина, Анна Борисовна Ковалева.

5 мая 1944 года.

Письмо гвардейцам от коллектива

От имени детей и коллектива специального дошкольного детского дома выносим вам глубокую благодарность за подарки,

полученные от вас для детей 3 мая 1944 года.

Нас глубоко тронула ваша забота о детях, которых вы освободили из-под немецкого ига и тем самым спасли им жизнь.

Ваша забота и внимание к детям воодушевляют наш коллектив на самоотверженный труд по воспитанию и обслуживанию детей, отцы которых сложили головы за Родину, а другие героически сражаются на фронтах Отечественной войны, очищая нашу родную землю от фашистских варваров. От имени коллектива работников детского дома просим передать всем бойцам и командирам вашего гвардейского корпуса заверение, что дети, временно или постоянно находящиеся в нашем детском доме, будут обеспечены заботой и лаской. Мы станем для детей не только воспитателями, но и родителями, дарящими им счастливое радостное детство, дадим им все необходимое для нормального развития.

Дети полностью обеспечены одеждой, постельными принадлежностями. С ними гуляют, рисуют, поют, играют и проводят другие интересные занятия.

Дети растут умными, развитыми, ненавидят фашистских варваров. Дети знают, что нет кровожаднее и отвратительнее фашиста. На всю жизнь запечатлелась у детей разлука с родными. И этих родных заменила им наша героическая Красная Армия. Вы первые, защищая Сталинград, протянули им руку помощи.

Дети потеряли своих любимых матерей, братьев, сестер во время варварской бомбежки Сталинграда. В Дубовский детский дом они поступили в апреле 1943 года изнуренными, больными, на их лицах не было детской улыбки.

Все пережитое отрицательно повлияло на детскую психику.

Прошел год пребывания детей в детском доме, и ваши представители увидели вновь жизнерадостных здоровых детей — они подробно расскажут вам о них.

Ваши подарки дадут возможность улучшить питание детей. Заверяем вас, товарищи бойцы и командиры, что мы с честью выполним возложенную партией и правительством на нас задачу по воспитанию подрастающего поколения советских людей.

Громите ненавистных врагов, отомстите им за страдания советских детей и возвращайтесь к нам с полной победой. Многие из вас найдут своих детей здоровыми и жизнерадостными. Это будет большой радостью для вас и для нас.

5 мая 1944 года.

Когда объявили «Война окончилась», детдомовцы из подушек все перья выпустили. Ходили по Дубовке, сочиняли песни о победе. Охрипли. Не завтракали. Делали что хотели.

Никто никого не останавливал.

И тут пошли в детдом письма, телеграммы — отцы разыскивали своих детей. Дети же нам без конца задавали вопрос: «А мой папа найдется?» Как хотелось утешить, сказать «да», но боялись растравить душу ребенка.

А вдруг все безнадежно?

Слух о том, что нашелся чей-то отец, моментально облетал детдом. И начиналось тревожное ожидание. Когда же приезжал папа — у нас всегда был праздник. Мы накрывали столы, проводили торжественную линейку, давали концерт.

Отец двух братьев (сейчас не помню фамилию) приехал за сыновьями прямо с фронта. В солдатской форме, нога прострелена. Так мальчишки, когда узнали отца, повисли на нем и не отходили ни на шаг. Вот надо встать солдату, сказать речь, он снимает с себя мальчишек и ставит их на пол.

Не успел отец сказать речь, мальчишки прыг к нему на колени!

Помню, заиграла музыка. Солдат смахнул слезы да и пустился в пляс прямо с ребятишками. Пляшет солдат, прихрамывает…

Из разговора с бывшим воспитателем Дубовского детского дома Людмилой Васильевной Корнеевой

Приезд отцов-фронтовиков

Трехлетний Шурик Арьков ничего не знал о родителях. Когда его спрашивали: «Шура, где твоя мама?» — он отвечал: «Вот она», — и указывал на свою воспитательницу.

И вот однажды утром в детский дом пришел мужчина и заявил, что здесь находится его сын Шура Арьков, но он его еще не видел, потому что Шура родился без него. Отец только что пришел с фронта, инвалид Отечественной войны.

Когда Шурику сказали, что это его папа, мальчик пристально посмотрел на него и, улыбаясь, крепко прижался к отцу. К концу дня отец увез Шурика домой.

Отец Вити Числова все военные годы был в партизанском отряде. И вот встреча. Отец волнуется, а Витя как-то недоверчиво смотрит на мужчину с наградами на груди и не подходит к нему. Пришлось ребенка убеждать, что это тот самый папа, которого он ждал.

И Числов-старший унес сына на руках, а сын крепко обхватил шею отца.

Родители стали приезжать чаще. К Нине Корбаковой приехал отец, потом Гена и Валя Деревенченко встретили своего отца, который сухо писал нам, работникам детского дома, зато детям присылал ласковые и нежные письма, стихи. Погостив у нас с неделю, отец Деревенченко сказал: «Я не ожидал, что детский дом ведет такую большую воспитательную работу. Я своих детей не видел четыре года и встретил их хорошо воспитанными, увидел, какую заботу проявляют о детях фронтовиков Отечественной войны».

Совершенно неожиданно появился отец Юрика Крапивина. Четыре года с ним не было связи. Юра за это время вырос, ему исполнилось семь лет, и отец с трудом узнал в нем того малыша, который сидел у него на коленях четыре года назад.

Василий Тихонович Крапивин рассказывает: «Я ехал сюда с намерением скорее взять своего ребенка. Фашистские звери лишили моего сына материнской ласки, однако я убедился, как заботливо и внимательно относится к детям-сиротам коллектив работников детского дома». Отец, оставив сына временно в детском доме, уехал устраивать свои бытовые дела, готовиться к приезду сына.

В один из осенних ноябрьских дней в контору детдома вошел маленький худенький человек с совсем еще молодым лицом, в кубанке и шинели. Он спросил Вову и Юру Миловых. По письмам мы представляли его громадным русским богатырем. Вся грудь

его была в наградах. Он взволнованно обнимал сыновей, отмечая большие перемены в них за годы разлуки.

Много отцов прислали письма, но увидеть своих детей не представлялось пока возможным — военная служба забросила их далеко.

Отец Вовы Болтова приехал в марте 1946 года. Он вынул из бумажника фотокарточку годовалого ребенка, который сидел на игрушечной лошадке, и в качестве документа представил ее директору. Вова очень похож на отца. Отец сел за стол с ребенком. Слезы и волнение мешали ему держать себя спокойно, просто. Через два часа отец увез Вову домой.

Спустя два дня совершенно неожиданно приехал отец Нюси и Шуры Кулаковых. Здесь получился некоторый курьез. Шура, которого отец оставил одиннадцатимесячным, заявил, что он узнал папу, а семилетняя Нюся не подошла к отцу. Плача и дрожа всем телом, она уткнулась лицом в стенку, не поддаваясь никаким уговорам.

С большим трудом она освоилась с мыслью, что это ее отец, и стала показывать ему свои работы. А четырехлетние малыши с восторгом заявили, что теперь война совсем кончилась, так как к Вове и Шурику приехали папы. «Скоро и к нам приедут».

«*Когда мы сидели в землянке (это было на „Баррикадах“ в Сталинграде), была сильная бомбежка. Все вокруг горело. Мама вышла из землянки принести продукты, а я сидела с братишкой Женей и сестренкой Агнессой в землянке. Вдруг братишка вышел из землянки и кричит: „Маму убило!“ Я ему не поверила, а когда вышла из землянки, то увидела, что моя мама лежит на земле. Осколок от снаряда попал ей прямо в голову. Голову мамы разорвало на клочочки, и голубой платочек, которым она была покрыта, был весь разорван. Платье на маме все было залито кровью. Мы все сильно плакали, нам ее было жаль. Маму зарыли в воронке от бомбы. Остались мы с бабушкой, потом братишка Женя заболел и на третий день умер. Меня отдали в детоприемник, а сестренку Агнессу взяли в дети.*

Люда Вакс».

Неожиданная встреча

Ночью на пристани в ожидании парохода я услышала разговор о детском доме. Подошла. Оказалось, что отец Люды Вакс приехал разыскивать свою дочь.

Я взялась довести его до детского дома. Все дети спали. Я подошла к кроватке Люды, она проснулась. «Людочка, знаешь, кто к тебе приехал? Твой папа». Люда от радости обвила меня за шею руками и, прижавшись, стала крепко целовать. Потом стала поспешно одеваться и говорит: «Как же я ему скажу, что маму убило? Он ведь расстроится». «Люда, он, наверное, знает», — говорю я.

Люда вошла в зал. В зале темно. Вдруг ее кто-то поймал и прижал к себе, и они долго тихо рыдали.

«Людочка, скажи мне что-нибудь», — прошептал отец. «Папа, маму убило», — так же тихо ответила девочка. И снова приступы рыданий потрясли их.

В зал принесли свет. Отирая слезы, девочка сказала: «Папа, ты уходил от нас молодым, а теперь ты седой». «Да, тогда я был молодым», — согласился отец. Он сказал дочери, что нашел ее младшую сестренку Агнессу.

«Мы скоро будем жить все вместе, только мамы нет с нами», — сказал он дочери.

Е. Волошко.

Встретить своих отцов с фронта довелось не многим. И тем, кому не суждено было дождаться, снова горькое испытание — еще раз пережить смерть родного человека. Слезы, печальные вздохи и тоска… Чем утешить маленького человека, на которого обрушились эти испытания, где взять сказки, в которые он бы поверил?

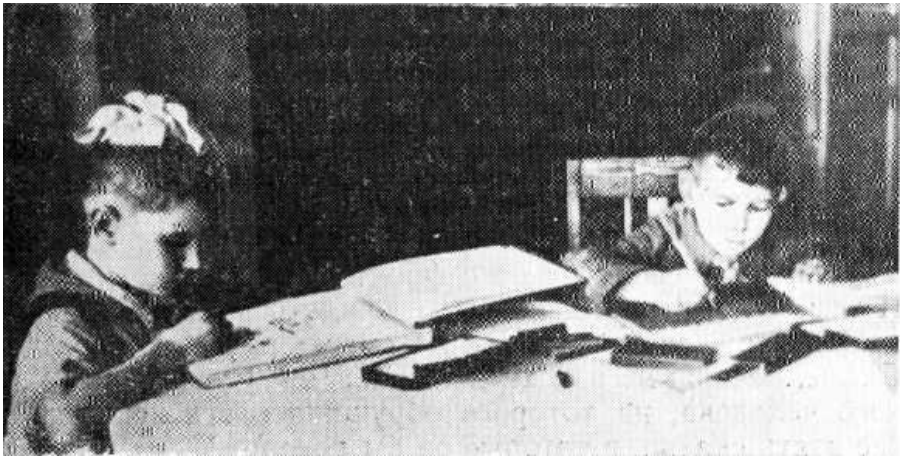
И тогда Евгения Эдуардовна снова и снова обращалась к своим верным помощникам: «Больше ласки, больше внимания, интереснее занятия — только в этом спасение. И вселяйте надежду: человек жив, когда верит. Даже если отцы не вернутся, время сделает свое дело — дети окрепнут духом».

И появилось у воспитателей второе дыхание.

«Мы старались, — вспоминает Анна Борисовна Косицына, — отвлечь ребят всем, чем можно: читали, рассказывали, учили наблюдать за природой, любоваться Волгой, вышивали с мальчишками танки и пушки».

У нее была группа шестилеток. Это была, пожалуй, самая трудная категория ребят — их сложнее было удивить, развлечь,

заставить радоваться. И все-таки многое удавалось.



В детском доме было много одаренных ребят, но лучшими художниками считали Юлю Посохину и Толю Гончарова.

Однажды Толя Гончаров проснулся и сказал: «Знаете, что я видел сегодня во сне? Я видел, будто к нам в гости приехал Чапаев и пулемет свой привез на тачанке, потом он мне подарил саблю, и мы с ним стали собираться на фронт фашистов бить». И пошли разговоры про Чапаева, о котором вчера читала воспитательница.

Утреннюю зарядку всегда проводили в зале. На этот раз ребят ждал сюрприз: на столе — прозрачное блюдо с водой, а на дне спокойно лежал рак.

— Ребята, смотрите — рак!

Откуда он взялся, кто его принес — вопросы посыпались, зазвучал смех.

Витя Козлов с гордостью сообщает:

— Это принес наш дядя Ваня (директор подсобного хозяйства). Я видел!

В это время рак осторожно поднялся со дна блюда и захлопал возмущенно хвостом по воде — видимо, ему не понравился шум. На ребят полетели холодные брызги. Они с визгом отбежали от стола.

Жила в детдоме собака по кличке Пупсик — симпатичный лохматый пес. Он всегда встречал ребят на крыльце, когда они выходили во двор, и сопровождал их на прогулку со звонким радостным лаем. Ребята с удовольствием общались с Пупсиком и никогда его не обижали.

Внимание ребят привлекла стая воробьев, которая разместилась на крыше дома. Воробьи ведут себя очень

беспокойно — чирикают, вертятся. «В чем дело, ребята?» Стали наблюдать. Оказывается, рядышком, на крыше сарая, сидит кошка Мурка, и воробьи боятся, как бы она не разорила их гнезда. Это открытие заставило ребят улыбнуться, а потом приструнить кошку: они погрозили ей — дескать, не трогай малышей.

Мелочь?

— Но мы хватались за все, — говорит Анна Борисовна.

С большим удовольствием ребята ходили на Волгу. Летом купались, барахтались в воде, визжа от восторга, а весной любовались разливом.

На левом берегу за лесом виднеется белая-белая сельская церковь. Ребята смотрят, пытаясь представить все село, от молчаливого созерцания лица грустнеют, глаза становятся печальными. Опять вспомнили про свое горе горькое…

И тогда воспитательница начинает рассказ про интересный случай.

«В 1942 году и начале 43-го под Сталинградом шли ожесточенные бои. В селе у одной старушки (фамилия ее Шевченко) жили на квартире командиры Красной Армии. Старушка очень любила своих квартирантов и звала их сыночками. Когда они уходили, то говорили ей: „Мамаша, вы здесь без нас никого в хату не пускайте“.

„Нет, сыночки, никого не пущу“, — отвечала она.

И вот однажды, когда командиры ушли, старушка села у окна и стала вязать чулок. Вдруг распахнулись ворота и во двор въехала легковая машина. Старушка поспешила на крыльцо.

Из машины вышли трое мужчин. На одном была фуражка с рваным козырьком и клочками изорван полушубок. Подходя к порогу, они поздоровались и попросили разрешения войти в хату. Она им ответила: „Нет, сыночки, у меня стоят командиры и не велят никого пускать“. А тот, который в фуражке, говорит: „Ничего, мамаша, мы свои“.

„Ну, коли так, проходите“.

Трое мужчин вошли в хату, а двое с винтовками остались на пороге. В хате было тепло натоплено. „Ну, коли вошли, так раздевайтесь и обедать садитесь“, — говорит старушка.

Она поставила на стол чугунок с горячими щами, нарезала хлеба и пригласила за стол: „Что есть, тем и покормлю, не обижайтесь“.

„Ничего, мамаша, мы люди свои, сердиться не будем“, — сказал мужчина, снимая изодранный полушубок. На груди его засверкал целый ряд орденов.

Пообедав, один из них вышел, принес из машины консервы, печенье, конфеты и, ставя на стол, сказал: „Кушайте, мамаша,

будьте здоровы и живите много лет“. А тот, у которого ордена, достал из кармана фотографию: „Вот вам, мамаша, моя фотография на память, спасибо за теплый материнский прием“.

Старушка взяла фотографию, воткнула ее за зеркало. В это время во двор въехала тройка лошадей, запряженных в санки. Гости поспешно стали одеваться в новые белые валенки и новые полушубки.

Тепло распростившись со старушкой, они сели в санки и уехали по направлению к Сталинграду. Вслед за ними уехала и легковая машина.

Через несколько минут вошли ее квартиранты. Старушка начала рассказывать, что приезжали какие-то люди, сначала были плохо одеты, а потом переоделись, и у одного вся грудь в орденах, а тот, который с орденами, подарил ей фотографию. Старушка протянула фотографию одному из командиров. Он просиял: „Мамаша, да вы знаете, кто это? Ведь это Тимошенко! Маршал Советского Союза!“. „Да ну! — удивилась старушка. — А я-то, старая, их тыквой пареной кормила и не знала, что он такой великий человек!“».

Рассказ захватил детей так, что они слушают с открытыми ртами. И когда воспитательница заканчивает, просят рассказать еще. Но пора возвращаться. Дети прощаются с красавицей Волгой, машут Рахинке, где произошел такой интересный случай, и возвращаются домой в хорошем настроении. В борьбе за детские души выигран еще один бой.

«Меня вместе с другими воспитанниками послали на теплоходе „Борис Щукин“ в Москву. Жила я в одной каюте с девочками из Серафимовичского детского дома. К нам в каюту часто заходила одна девочка, очень похожая на нашу воспитанницу Валю Гуряеву. Только Валя была старше ее. Ну буквально все: конопушки, голос, черты лица были как у Вали. Только фамилия с небольшим изменением — Гуреева. Девочки списались, они оказались родными сестрами. Как только мы вернулись из поездки, сестры стали жить в нашем детском доме.

В 1951 году был первый выпуск воспитанников нашего детского дома. Уходила старшая — Валя Гуряева, а ее сестренка Рая оставалась. Я тоже покидала детский дом.

И вот однажды пригласили нас выступить с художественной самодеятельностью в дубовский дом отдыха „Металлург“. Среди выступающих была Рая Гуряева. Во время исполнения танца из зрительного зала раздался женский крик:

— Это моя дочка Раечка!

Мать нашла своих девочек в нашем детском доме, да дома у

нее еще было трое детей. Вся семья оказалась в сборе.

Римма Колетвинцева встретила свою младшую сестренку на выступлении художественной самодеятельности во Дворце культуры тракторного завода. Нина Шиповская встретила свою сестренку на прогулочном пароходе.

Еще было много-много таких встреч, которые никогда не исчезнут из нашей памяти».

Из воспоминаний бывшей воспитанницы Дубовского детского дома Жени Шаталиной.

«*Жил я в Сталинграде на Валдайской улице. У нашего папы был свой дом. Папа работал на тракторном заводе, а мама — в пекарне. Жили мы хорошо. Все у нас было. У нас были игрушки. Когда началась война, папу взяли на войну. Мы жили с мамой. Во. время бомбежки мама пошла за дровами, и ее убило. Соседи похоронили маму, а мы с Ниной и Колей остались жить у них. А потом они от нас куда-то уехали, а мы пошли в больницу. Там было много раненых. Нас там накормили, потом отправили в Городище, а потом на машине отвезли в Дубовку, в детский дом*».

Декабрь 1943 г.

Витя Козлов, 6 лет.

Встреча с братом

Я была тогда в другом детском доме. У меня не было особых талантов, но старшие девочки говорили, что у меня хороший голос. Еще в дошкольном возрасте я любила петь и танцевать. И когда я узнала, что поедем в Сталинград, я стала прямо-таки бредить городом и братом, которого я, по какому-то внутреннему чувству, должна была встретить.

К моему несчастью у меня заболело плечо, и меня положили в больницу. Но когда я узнала, что наши воспитанники уезжают в Сталинград, я убежала из больницы и прямо-таки летела на крыльях в детский дом.

Упорная мысль ехать, найти брата во что бы то ни стало не оставляла меня. Передо мной преграда: воспитанники-участники были гораздо старше меня, а я что — так себе, ничего, маленькая девочка. Но я показала, что хотя я и маленькая, но за себя постоять могу. Мне сказали, что меня уже заменили. Почему? Ах, я должна быть в больнице! У меня все давно зажило. Об этом я им сказала, но этого было мало. Чувствуя, что мои слова не действуют, я ухватила за брюки воспитателя, который нас провожал на пристань. «Возьмите меня! — умоляла я его. — Я брата хочу найти». Не верю своим ушам — воспитатель разрешил мне ехать. Я была на седьмом небе. Я увижу свой любимый город, где жила я с братом. Да и уверена была, что найду брата, обязательно найду!

Девочки мне сказали, что на смотре я не буду выступать, а буду охранять вещи. Я и этому была рада. Ура, я еду! На меня нагрузили какие-то вещи, которые я теряла на ходу, пока шла до пристани. Мои мысли были далеко от окружающей действительности, за что я получила взбучку.

И вот мы в Сталинграде. Со своими обязанностями сторожа я справлялась плохо, так как все мои мысли были сосредоточены на одном: искать, искать и найти брата.

С утра до позднего вечера я спрашивала у всех встреченных участников смотра: «У вас нет моего братишки? Зовут его Гена, фамилия Шаталин». «Нет у нас такого», — отвечали каждый раз мне. Некоторые посмеивались над моей мечтой, считали это пустой затеей — воспитанников на смотре было много, из сорока детских домов области.

И вот однажды, когда на улицах зажглись огни, я продолжала свои поиски. Остановила полную женщину в черном платье, с орденом и медалями на груди. Она спешила на предварительный смотр своей программы в театр. Потрепав ее за платье, я

спрашиваю: «У вас живет в детском доме Гена Шаталин?» Она посмотрела удивленно на меня и говорит: «Есть такой, а ты кто ему?» «Может, это не он?» — спрашиваю я.

Она взяла меня за руку, и мы почти побежали. (Это была директор Дубовского детского дома Евгения Эдуардовна Волошко.) Сердце учащенно билось. Мне не верилось. Столько искала…

Передо мной — Гена. Но что это? Стоит мальчик почти наравне со мной (вырос за два года). Гена на меня не обращает внимания. Я стою и плачу. Да, это он, я узнала.

Долго Женя Шаталина искала своего брата, которого потеряла во время бомбежки в Сталинграде. И вот после счастливой встречи на смотре художественной самодеятельности Женя и Гена стали жить в Дубовском детдоме.

Но почему он не отвечает мне? Тогда Евгения Эдуардовна ему говорит: «Гена, твоя сестренка нашлась, а ты плачешь, кто тебя обидел?» «Я чуб козлиный не надену», — говорит он и снова заливается слезами. Оказывается, они ставили инсценировку «Русские богатыри». Он выступал в роли донского казака, а так как он был стриженый, а у казака из-под фуражки с козырьком набекрень должен был торчать чуб, то ему под фуражку дали клочок черной шерсти. Вот он и причитал: «Не буду надевать, не буду».

Как только ему разрешили выступить без чуба, Гена стал искать глазами меня, узнал, бросился в мои объятия. Стоим мы

так, и оба плачем.

Все окружающие были рады, что мы нашли друг друга. И все плакали вместе с нами. Не успели мы прийти в себя, как услышали, что Гену зовут на сцену. Оторвался он от меня и пошел выступать, а я с девочками спустилась в зрительный зал. Наши девочки шептали мне на ухо: «Ну, какой он? Вот этот?» — «Нет, не он». И вот появился братишка — маленький, черненький, прямой, высоко держит пику. Он с достоинством шагал по кругу. На ресницах блестели слезы. Остановился и стал читать какое-то четверостишие. Смотреть было забавно, так как лицо у него было серьезное, и только частое вздрагивание плеч выдавало его волнение. Но все кругом знали, что он нашел сестренку, и улыбались.

С этого момента мы не расставались. По моей просьбе меня перевели в Дубовский специальный детский дом.

Женя Шаталина.

Первый выезд

Как ни просили воспитатели детей поддерживать порядок, это оказалось невозможным. Подходил большой пароход «Серов». На нем они должны выехать в Сталинград на областную олимпиаду художественной самодеятельности детских домов.

Все дети — сталинградцы. Увидеть родные места после долгой разлуки хотелось скорее. Волнение охватывало их все больше и больше.

Вот они первыми поднялись по трапу на пароход Взрослые дали им дорогу. Дети поднялись на палуб} второго класса, удобно разместились. Три гудка. Пароход отдал чалку, сделал поворот и, рассекая волны, плавно поплыл вниз по Волге. Все это вызвало восторг. Многим показалось, что плывет не пароход, а берег: плывут дома, весь город Дубовка, а мы стоим на месте и наблюдаем, как все это удаляется.

Ехали два часа тридцать минут, но как много новых впечатлений дети получили! Завтракали прямо на палубе. Так приятно было есть, когда ветерок ласкает лицо и руки. Дети уминали за обе щеки, воспитатели не успевали подавать им, а я с опаской думала: хватит ли продуктов на поездку.

Вот показался дым, а потом и трубы тракторного завода. Дети жадно впились глазами. «Наш тракторный, мы там жили. Вот там был наш дом. Папа работал на заводе», — волнуясь, говорила Римма Колетвинцева.

Перед нами «Баррикады», «Красный Октябрь». Каждый старался узнать и указать место, где они жили, хотя это было трудно, но детям казалось, что родной дом, родная улица уже перед ними. Они забыли про пароход, они полны воспоминаний, нахлынувших на них волной.

Подвальный гудок вывел детей из этого состояния. Они торопливо стали собирать вещи. Пришлось их задержать. Не торопясь, мы вышли последними. Вошли в город. Детям показали, где был взят в плен Паулюс.

Два с лишним года они не видели родного города. Они помнили, как защищали город, как бойцы бились за каждый дом. Здесь погибли их матери, братья, сестры.

Очень любили петь детдомовцы, поэтому ни одна областная олимпиада не обходилась без песни о Волге, которая всегда исполнялась «на бис». И в этом немалая заслуга детдомовского дирижера Мили Самойловой.

Перебивая друг друга, дети рассказывали, как горел город, как наши красноармейцы выбивали врага, как убитые валялись по улицам.

Идем к перекидному мосту — там ждет нас поезд. Валя Кузнецова узнает место, куда она всегда бегала за мороженым, а дома, где она жила, нет. Всюду кирпичи, камни.

Поезд мчит нас до Бекетовки. Дети с интересом рассматривают груды разбитых немецких самолетов, лежащих по обе стороны железнодорожной линии. Вот они узнают завод им. Куйбышева. Последняя остановка, и мы в Бекетовке. Идем по направлению к театру. Вдруг Гена Деревенченко закричал от радости: «Ребята! Вот мой детский сад, я ходил в него!»

В этом детском садике мы будем жить во время олимпиады. Нас приняли тепло. Произошла трогательная встреча Гены Деревенченко со своей бывшей воспитательницей.

Дети устали от переживаний, от множества впечатлений, и их уложили отдохнуть. Вечером предварительный просмотр нашей самодеятельности.

Во время выступления Женя Шаталина встретила своего брата Гену, с которым они растерялись в Сталинграде и воспитывались в разных детских домах.

Выступление прошло хорошо — зал бурно аплодировал. Эта поездка очень запомнилась детям. Особенно их поразил разрушенный город.

Сейчас их занимает вопрос, как город строится, и каждого приехавшего из Сталинграда дети расспрашивают. Толя Макаренко задает вопрос воспитательнице: «А в Сталинграде много домов выстроили?» «Да, много построили, а на „Красном Октябре“ — новый цех, большой-большой, его видно даже с Волги», — отвечает воспитательница.

Из воспоминаний Е. Э. Волошко.

«И все-таки земля вертится!»

Утром Людмила Васильевна вошла в спальню и сказала:

— Девчоночки, доброе утро! Кому снились плохие сны — не верьте им: у меня для вас есть отличная новость.

Конечно, девчонки застрекотали: «Какая? Какая?»

— Во-первых, сегодня занятие танцкружка сразу после обеда. А во-вторых… А во-вторых, мои прекрасные балерины, для вас готовы костюмы.

Да, новость была действительно отличной, и Аля Захматова с Женей Шаталиной отсалютовали подушками. Только Миля Самойлова осталась безучастна. Людмила Васильевна заметила это, но не успела спросить, в чем дело, почему юная синьорина не в духе — девчонки засыпали ее вопросами: какие юбки у них, а у мальчишек жилетки, да когда именно они поедут на областной смотр. Людмила Васильевна подробно им описала. Цветные юбки у девчонок, на головках венки и бант. У мальчишек плисовые зеленые жилетки в горошек и бордовые пояса.

Глубокий поклон за это Клавдии Борисовне Ковалевой, нашей детдомовской художнице.

Людмила Васильевна нарочно так все расписывала, потому что видела, какое огромное удовольствие доставляет она им — девчонки буквально живут танцами, особенно Женя Шаталина. Как только она появилась в Дубовском детском доме, Людмила Васильевна поняла, что за клад эта Женя. Стоит только зазвучать музыке, Женя сразу преображается. Голубые глаза ее синеют, белокурые волосы кажутся ярче. Вот Женя делает первые движения — и ее стройная фигурка сливается с музыкой. Девочка танцует самозабвенно, умеет импровизировать. И частенько после занятий кружка девочки просят Ольгу Васильевну Бабушкину сыграть что-нибудь для души. Она никогда не отказывает. А Женя танцует. Зрителей для нее не существует: есть музыка и она.

На занятия танцкружка, как всегда, первыми пришли Женя и Гена Шаталины. Они стоят в пустом зале у пианино и о чем-то говорят, глядя друг на друга влюбленными глазами. Ни тот, ни другой не осознали до конца своего счастья. Им просто не верится до сих пор, что они вместе. Потом подошли другие ребята — Гена Орлов, Володя Чеплаков, Аля Захматова. Приветствие на этот раз было такое: «Даешь Растуконда?» Так назывался карельский танец, который поставила Людмила Васильевна. Она его разучила по «Затейнику».

В общем, все были в сборе, кроме Мили. А вот и она.

Опаздывает голубушка. Людмила Васильевна спросила ее,

что случилось. Миля сказала с вызовом:

— Нельзя, что ли, один раз опоздать?

Девочка была чем-то расстроена, и воспитательница ответила миролюбиво:

— Почему же, один раз можно. Надень свой наряд, и ты сразу повеселеешь.

Миля оделась и стала прехорошенькой, но внутреннего огня, которого у нее всегда в избытке, сегодня не было. Людмилу Васильевну это встревожило, и она решила после занятий поговорить с ней.

Репетиция, как всегда, прошла в муках. Людмиле Васильевне хотелось добиться такой выразительности танца, чтобы он действительно был карельский и никакой другой. И поэтому бесчисленное множество раз она хлопала в ладоши, прерывая танец. Хорошо получалось только у Шаталиных.

— Посмотрите, посмотрите, как идут Женя с Геной— им весело, радостно, танец им в удовольствие. Женя и Гена! Пройдитесь еще. И… раз!

На репетициях Людмила Васильевна очень волновалась, и это всегда передавалось ребятам. Если честно, все они хотели быть такими, как эта большеглазая тоненькая девочка. И поэтому они разбивались в лепешку, чтобы сделать так, как говорит Людмила Васильевна.

— Ну, на сегодня, пожалуй, хватит, — сказала Людмила Васильевна и промокнула платком лоб. — Все свободны, кроме Жени и Мили.

Она решила оставить и Женю Шаталину, потому что они с Милей большие друзья.

— Миля, я вижу, ты чем-то расстроена. Что случилось? — спросила Людмила Васильевна.

Девчонки долго молчали. Женя, видно, знала, но первой не хотела начинать, потому что это касалось не ее. А Миля могла и не сказать — девчонка она была своенравная, капризная.

— Миля, ну, пожалуйста, не мучайся. Я тебя прошу.

Миля посмотрела на Людмилу Васильевну, и рот ее вдруг поехал на сторону, глаза заморгали часто-часто.

— Женя, расскажи…

Неприятность случилась вчера. После обеда ребятам разрешили пойти на Волгу. Сколько детдомовцы купались в реке, просто любовались ею и на левый берег ездили, но всякий раз, когда предстояла такая прогулка, радости не было конца. Миля, например, запрыгала на одной ножке, запела песню про Волгу, сама себе дирижируя. Только она могла сразу делать три дела. Получилось так, что Женя с Милей задержались в комнате,

девочек уже не было. Как только они вышли из комнаты, услышали крики мальчишек:

— Тю-тю! Милька — Тимшин! Тили-тили тесто! Жених и невеста!

Миле словно кипятком плеснули в лицо. Она развернулась на сто восемьдесят и побежала в свою комнату. Женя — за ней. Захлопнули дверь, но до них все равно доносилось это самое «жених и невеста».

Миля Самойлова — независимая гордая личность пионерского возраста. Что может и что не может Миля? Может сорвать урок, нагрубить любимому воспитателю. Не далее как позавчера обожаемая Людмила Васильевна сказала, чтобы Милино звено навело порядок вокруг спального корпуса, на что звеньевая коротко бросила: «И не подумаем», а через два часа ей заблагорассудилось, и она так все организовала, что никакую соринку днем с огнем не сыщешь. Милька может сманить всю комнату в сады за яблоками и при этом сделать невинные глаза.

Но Миля может быть и паинькой. Завяжет около ушей по огромному банту, наденет белый воротничок, красный галстук, встанет перед хором, взмахнет руками… Миля — отличный дирижер; потому что сама она обладает тонким музыкальным слухом, а главное — умеет втолковать другим, что она хочет. Не успеет Миля пошевелить пальцем, как все дружно разевают рты. В этот момент Миле кажется, что она может все. По крайней мере, учиться на «отлично». И учится.

Что не может Миля? У нее есть теория насчет равенства мальчишек и девчонок. По ее теории получается просто: если мальчишка человек и девчонка человек, значит, они равны. В общем, не теория, а уравнение со всеми известными. Но в жизни-то все по-другому. Мальчишка может наставить девчонке шишек, а она, так сказать, в крайнем случае, если сладит. Но дело даже не в этом.

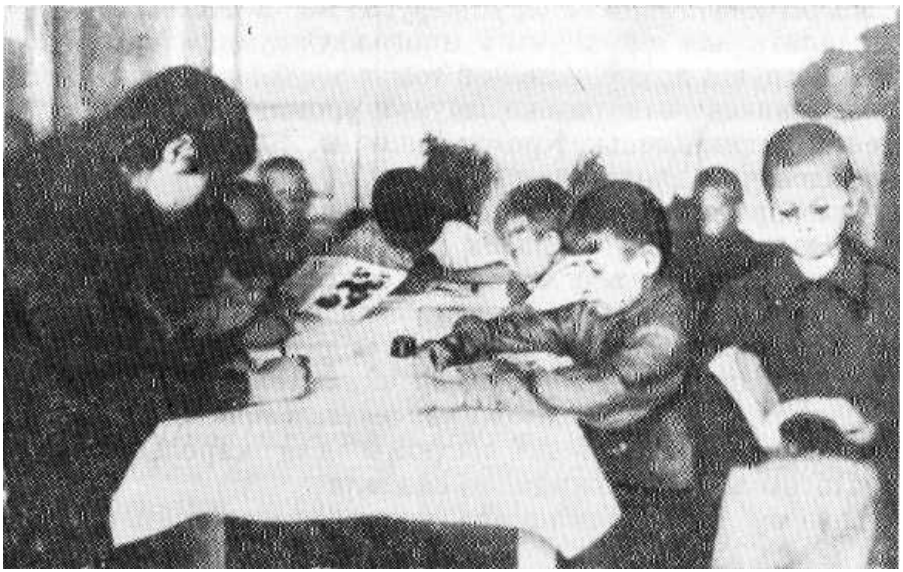
Мальчишка первый подходит к девчонке и предлагает ей дружбу. Как только Миля начинает думать об этом, она свирепеет. Сколько раз она спрашивала у Жени:

— Почему, ну почему это они должны делать первыми, а не мы?

Женя не знала, почему, но это ее, признаться, не волновало.

И в то же время Миле было приятно, что на нее заглядываются мальчишки, хотя бы этот Тимшин. И она презирала себя за это! Представьте себе, земля не разверзлась пополам и небо не упало на землю, когда он сказал ей: «Давай дружить». Миля ответила ему довольно спокойно: «Никогда». И ушла от него. Это объяснение состоялось чуть ли не полгода

назад на новогоднем балу. Тетя Тоня изображала клоуна. Она ходила по сцене в широких штанах. На ноге будильник, двойка на резинке. Она ее дергала, гремел выстрел. Убила двойку, а потом вдруг из штанины выпустила Маню Чеботареву, самую маленькую девочку детдома. Зачем она сидела в штанине, Миля так и не поняла.



Учиться только на «четыре» и «пять» — таков был девиз детдомовцев, поэтому подготовка к урокам считалась делом серьезным. Фотограф запечатлел за этим занятием среднюю группу.

Так вот, все смеялись, а Тимшин объяснился. Миля думала, никто не заметил. Она знала, что он страдает до сих пор, но ей-то какое дело? И вот сегодня это позорное «жених и невеста». Больше всего ей было обидно, что вот она, Миля Самойлова, не сумела прекратить эти безобразные вопли. Выходит, испугалась, если убежала.

Людмила Васильевна выслушала эту историю с величайшим вниманием. Конечно, стала успокаивать Милю, в заключение сказала вполне серьезно:

— Я предлагаю, девочки, обсудить это на более высоком уровне.

Более высокий уровень — это Евгения Эдуардовна. Миля спросила с любопытством:

— Зачем же еще директора посвящать в это?

— Вам не кажется, девочки, что отношения между вами и мальчишками не совсем нормальные? Такое впечатление, что вы

терпеть друг друга не можете, хотя вместе делать вам приходится многое. Откуда идет эта неприязнь друг к другу— не пойму.

Договорились: как только выучат уроки, собираются у Евгении Эдуардовны. Кроме Мили и Жени, пришли и другие девочки.

У Мили произошел в настроении перелом, и она была какая-то взвинченная, в глазах чертики прыгают. Евгения Эдуардовна, как всегда, строго одета, подтянута. Ее немного побаивались. Она всегда была в курсе всех событий. Ребятам казалось, что она видит их насквозь. Вот и сейчас она как-то уж очень внимательно посмотрела на всех. Затем предложила сесть. Спросила, как настроение, понравились ли костюмы для карельского танца. Потом вдруг неожиданно сказала:

— Почему Валя Романцова просидела сегодня под столом целых два часа?

— Это много или мало? — невинно спросила Миля.

— По-моему, много, если учесть, что сидела она на корточках. Это же неудобно. Ноги, наверное, затекли.

И тут девчонок прорвало:

— Ну и пусть сидит, если ей правится!

— Все ей не так да не эдак.

— На тетю Марусю, уборщицу, вечно ворчит: «Эта тетя Маруся только и знает нас тряпкой гонять». А сама небось сорит.

— Уж больно она настырная. Почему в хор не пошла? Уперлась, и все.

— Что же, мы одни должны защищать честь детдома, да?

— Она, наверное, считает себя умнее всех. Что ни спроси — никогда не ответит. Забьется с книжкой в угол и бурчит себе под нос.

— Вот и сегодня под стол залезла, когда мы уроки учили…

Валя Романцова была маленькая, крепенькая, хорошо сложенная девочка. Глядя на нее, никогда не скажешь, что она замкнутая, скрытная. Но она на самом деле была такой. Подруг у нее не было. Все одна да одна.

— Девочки, может быть, вы ее когда-нибудь обидели? Не, может же человек получать удовольствие от своего одиночества. Она наверняка страдает, — сказала Евгения Эдуардовна. — Я вас прошу, — добавила она, — отогрейте ее, будьте с ней поласковей, не оставляйте одну. Когда человек один, он чаще думает о своем горе.

«Жила я в Сталинграде, на какой улице — не помню. Был у нас хороший домик. Папа его красиво отделал. Папа работал в конторе, а мама была дома с маленьким братишкой Вовой. Папа

много приносил нам гостинцев, игрушек, конфет, яблок. Жили мы хорошо.

Немцы стали сильнее бомбить Сталинград, начались пожары, весь город стал гореть. Мама стала нас спасать. Все тряслось и разрушалось. Домик наш разбился и сгорел. Побежали мы с мамой к родным, а их домик тоже сгорел. Жалко было, как горел наш дом. Много сгорело у нас с Вовой разных игрушек: кукла большая, грузовик, много книжек с интересными картинками. Потом мы поехали на станцию к своим родным. Мама заболела. Мы ее кормили сухариками. Она была очень худая — одни косточки остались, и умерла. Меня и Вову привезли в детский дом».

Октябрь 1943 г.

Валя Романцова, 6 лет.

— Но собрались мы, наверное, не для этого, — сказала Евгения Эдуардовна и выразительно посмотрела на Людмилу Васильевну. — Мне хочется узнать ваше мнение о мальчишках.

При этих словах Миля взвилась. Евгения Эдуардовна не дала ей сказать.

— Одну минутку. Давайте по порядку: я буду называть фамилию, а вы — характеризовать.

В общем получилась довольно забавная игра. Евгения Эдуардовна говорит:

— Толя Гончаров.

Женя Жукова: «Способный, умный, серьезный».

Миля Самойлова: «Слова из него не вытянешь. Бука».

Аля Захматова: «Сестру обожает и лыжник отличный».

Евгения Эдуардовна:

— Гена Орлов.

— Девчонкам от него житья нет.

— Злой, непослушный.

— Хлебом не корми — дай похулиганить.

Девчонки так воинственно настроены, что от бедного Гены Орлова одни рожки да ножки остаются. Людмила Васильевна кидается на защиту:

— Вы уж слишком, девчонки. Гена Орлов был трудный— правда. Помучились мы с ним. Но это все в прошлом. Как только Вера Николаевна стала брать его к себе домой — мальчишку словно подменили. Он оттаял, стал неузнаваем.

Вера Николаевна Каклюгина — учительница из школы — стала его мамой.

— Вот видите, не такие уж и плохие мальчишки у нас, как кажется.

Глаза у Евгении Эдуардовны заискрились, она сразу

помолодела. Подзадоривая ребят, спросила:

— Как, Миля, правильно я говорю?

— Конечно, нет, — отрезала Миля, не моргнув. — Какой бы хороший мальчишка ни был, он всегда обзывается. Даже противно. И потом — такие они самостоятельные, важничают. Я не я. А если разобраться, кто их воспитывает? Девчонки! Раз так, то девчонки главнее мальчишек.

— Но девочки нежнее, мягче, они должны, ну как бы тебе сказать… — Евгения Эдуардовна поискала нужное слово… — приручить, что ли, мальчика, облагородить.

— Очень нужно, когда они всякие глупости говорят.

— Но без мальчишек скучно…

— Кто вам сказал — скучно! Ха-ха!

— Миля, не кипятись. Если смотреть далеко в будущее, мальчишка — это муж, отец. Ведь сама небось замуж когда-нибудь выйдешь.

Миля вскочила, как ужаленная. Подбежала к двери.

— Все-таки земля вертится! Замуж я никогда не выйду!

Контрольная по математике

«Папа работал на заводе „Красный Октябрь“. Когда немец бомбил, мы сидели в убежище. Мама вышла из убежища, пошла на кухню принести воды, а в это время разорвалась бомба, и осколком маму ранило прямо в грудь. Она закричала: „Спасите меня!“ Папа кинулся к ней и принес ее на руках в окоп. Рану ей перевязали бинтом, она стала хрипеть и сказала: „Я умираю“».

Январь 1944 г.

Гена Орлов, 6 лет.

«Дорогой Павел Борисович!

В последний вечер в школе нам хочется отблагодарить вас за то, что вы были нашим учителем, за то, что вы были нашим отцом-воспитателем. И хочется заверить вас, что где бы мы ни были, вам за нас краснеть не придется. Все свои силы и знания мы отдадим нашей матери-Родине, а когда нужно, — и жизнь.

7 „д“ класс. 15.06.51 г.

Дубовка».

Дарственная надпись на книге.

«Мы знали, что некоторые папы никогда не вернутся. Помню, был у меня такой случай. Пришел я как-то к пятиклассникам на урок. Ну, все, как обычно. Задачки решали, к доске вызывал. Ищу по журналу, кого бы спросить. И вдруг натыкаюсь на фамилию— Битюшкова Таисия. То есть не вдруг, я эту фамилию сто раз видел, но как-то не выделял, а тут меня словно толкнул кто — так это ж дочь Павла Битюшкова, моего бойца! Проверил отчество — точно. Смотрю на эту маленькую девчушку, а у самого сердце переворачивается: ее отец был со мной в одной роте. И погиб у меня на глазах. Случилось это, когда мы наступали на село Ветренка Фатежского района Курской области. Февраль сорок третьего. Мороз. Снег. Стали подходить к селу. Немцы открыли ураганный оружейно-пулеметный огонь. Вынуждены делать короткие перебежки. В одну из таких перебежек погиб Павел Битюшков. Видел, как он припал к земле да и не встал… Село взяли на следующий день. Наступали через кладбище, там и полегли наши бойцы.

Рассказал я это девчонке. Она не заплакала, только вздохнула горестно, по-старушечьи, как бы сказала: не одна я сирота-то…».

Из разговора с бывшим классным руководителем первого выпуска детдомовцев Павлом Борисовичем Шишкиным.

Звонок еще заливался вовсю, а 7 «д» был давным-давно на своих местах, предстояла контрольная по математике. Нужно было, во-первых, достать тетрадки, во-Вторых, раздобыть на каждую парту чернильницу — вертеться на контрольной строго воспрещается — и, в-третьих, постараться угадать, какие задачки будут и сколько вариантов.

Женька Шаталина боялась математики панически.

Вот сейчас войдет Павел Борисович и выпустит из пункта А поезд, а из пункта Б — машину. Конечно, они помчатся навстречу друг другу. Мало того, что скорость у них будет равная, они еще должны будут встретиться в пункте В. И тогда надо будет определить, какая у кого скорость и сколько километров каждый проехал. «Ну зачем встречаться, зачем? — тоскливо думает Женька. — Ехал бы каждый по своим делам в разные стороны. Так нет, они встретятся обязательно…»

У Женьки губы скорбно поджаты. Чтобы не пролить слезы, она пытается увидеть собственные брови. В общем, получается такая богородица! Лиля Тимшина толкает в бок свою соседку — Шуру Никонову, говорит:

— Посмотри на Шаталину. Вот смехота!

Женька слышит, что это о ней, но повернуться к ним не может. Все-таки справившись кое-как со слезами, говорит девчонкам:

— Вам-то что, вам смешно. А я опять не решу. И не двойка мне страшна, а знаете что? Павел Борисович подумает обо мне, что я бестолочь. Ну, безнадежная, понимаете. Сколько он со мной занимался… А я вроде бы понимаю, а начинаю решать — и никак. Павел Борисович только вздохнет и скажет: «Давай, Женя, сначала». Он так покорно это говорит. Я не могу больше, не могу.

Люда Самарченко сказала:

— Павел Борисович не может о тебе так подумать, поняла? Потому, что он особенный и самый добрый.

Тут в разговор вступает Миля Самойлова — специально для Женьки, чтоб не хныкала. Как всегда, она говорит тоном, не допускающим возражений:

— Клянусь, чем хотите, но на мою бы выходку кого-нибудь другого, а не Пал Борисыча, так от меня бы давно только мокрое место осталось.

Девчонки засмеялись — они были свидетелями этой самой выходки. Из области приехал инспектор проверять житье-бытье детдомовцев. Повели инспектора в спальный корпус: пусть посмотрит, как девочки к урокам готовятся. Картина была самая отрадная: за опрятными столами сидели опрятные девочки и старательно скрипели перьями или шептали про себя

прочитанный урок. По всему было видно, что начальство довольно. Чтобы еще больше усилить впечатление инспектор попросил Павла Борисовича — он сопровождал начальство — показать книжки и тетрадки. Признанной чистюлей в 7 «д» была Миля Самойлова, и тетрадки у нее просто идеальные. Ни одной кляксы, ни одной помарки. Так вот, Павел Борисович подзывает Милю и говорит ей:

— Принеси свои тетрадки.

Миля принесла тетрадки. Начальство прямо засияло от радости — уж буковки такие раскрасавицы, редко кто так может, а она возьми да и ляпни:

— Ездят тут всякие, отвлекают.

Павел Борисович покраснел, как пятиклассник. Взял Милю за руку, отвел в сторонку, сказал только:

— Нехорошо ты, Миля, поступаешь.

Мильке стало стыдно, но не оттого, что она действительно плохо поступила. Павел Борисович так на нее посмотрел — всепрощающе и беспомощно, — дескать, что же ты, голубушка, со мной делаешь…

О том, что Павел Борисович «особенный», Женя знала так же хорошо, как и весь 7 «д». Это слово прилипло к нему три года назад, когда он впервые пришел к детдомовцам-пятиклассникам. Все учителя одевались обыкновенно: ну, костюм там, платье. А Павел Борисович носил военную гимнастерку и напоминал детдомовцам отца, вернувшегося с фронта. Он сразу пришел к ним с доброй вестью. Павел Борисович сказал:

— Я буду у вас классным руководителем.

Ребята считали, что им очень повезло: ведь учителей-мужчин раз-два и обчелся, а он достался именно им, детдомовцам-пятиклассникам. Тогда ребята не знали, что это не случайность.

Когда из района сообщили, что первая группа детдомовцев придет в школу № 1, Евгения Ивановна Литвинова — заведующая районо — сказала парторгу Павлу Борисовичу Шишкину:

— Подумайте, кто будет у них классным руководителем. Нужно, чтобы он и отцом их был.

Павел Борисович сказал:

— Я их возьму.

Сколько они стенгазет выпустили, вечеров подготовили! Особенно удался вечер занимательной математики, который они провели не в школе, а в детдоме. После вечера их завистливо спрашивали:

— Как это вам удалось?

Ребята в один голос отвечали:

— Так у нас же Павел Борисович! Человек-то он особенный!

Павел Борисович был во время этого разговора рядом и все слышал. Смутился он ужасно, будто кличку услышал. Все-таки нашел в себе силы, подошел к ребятам и спросил:

— Почему же я особенный, если не секрет?

— У вас особый костюм, значит, вы и человек особенный.

Павел Борисович захохотал. Он смеялся оглушительно и долго, до слез. Ребята никогда не видели, чтобы он так смеялся. Вытирая глаза, Павел Борисович сказал:

— Вот так история. Да вы знаете, почему я в военной гимнастерке? Мне дали талон на получение костюма. Пока я собрался пойти в магазин, никаких костюмов там уже не было. Осталась одна военная гимнастерка. Вот я ее и взял.

Объяснение было вполне убедительным, но ребята по-прежнему считали Павла Борисовича человеком особенным.

Наконец звонок перестал заливаться, и в класс вошел учитель. Он поздоровался с ребятами как-то сочувственно: дескать, ничего не поделаешь — контрольная, придется поволноваться. И чтобы успокоить всех, он сказал:

— Будут два варианта задач, очень похожих на те, что мы с вами решали. Так что спокойствие — прежде всего. И все будет в порядке.

И подмигнул им дружески. Задачки он предложил ничего себе, знакомые, с двумя трубами и двумя пунктами. Знаете, есть такие — в одну вливается, а из другой выливается. И в классе наступила та святая минута, когда все до одного думают про эти самые трубы и пункты и больше ни про что. В такую минуту и в голову никому не придет запустить, скажем, в соседа репей или плюнуть из трубочки на спор, кто дальше. Даже любители читать книжки через дырочку в парте отложили это занятие до лучших времен. Рабочая тишина, как любят называть учителя, так и висела над 7 «д». Павел Борисович удовлетворенно посмотрел на класс, подумав: «Ну, кажется, задачки всем пришлись по зубам, и сегодня, возможно, обойдется без слез». И он отправился в свое привычное путешествие между рядами парт. Но предположение его оказалось ошибочным. Он услышал первый тревожный сигнал — засопели носы. Первой начала, кажется, Женя Шаталина. Павел Борисович посмотрел на нее — собственно, он видел ее все время, как и всех в классе. Женя шевелила губами, повторяя про себя, как заклинание: «Из трубы „а“ выливается, из трубы „а“ выливается, из трубы „а“ выливается…» Если не подойти к ней и не подтолкнуть ее, она. так и будет весь урок переливать из пустого в порожнее.

Павел Борисович подошел, положил руку на голову, сказал шепотом:

— Женя, успокойся, давай вместе подумаем. Мы же решали такие задачи, вспомни.

Женя быстро закивала, а слезы — прямо на тетрадку. Кажется, пострадала труба «б».

— Женя, учти, это дополнительная влага, — сказал Павел Борисович.

Женя и тут согласилась, но с места, кажется, съехала.

Павел Борисович был уверен, что сегодняшнюю контрольную, как и все до этого, они напишут отлично. Но слезы… Опять они сдадут ему тетради с расплывшимися каплями. «Нервы, нервишки, — подумал Павел Борисович. — И с этим ничего не поделаешь. Девчонки плачут по любому поводу».

Два года назад 7 «д» вместе с Павлом Борисовичем заложил сад на пришкольном участке. Сажали по всем правилам садоводства — Павел Борисович сам увлекался этим делом. Когда были посажены все вишни, яблони, ребята принялись собирать забор буквально по одной доске — специального материала, конечно, не было. Поэтому забор получился плохонький. И в одно прекрасное время, когда на ветках зазеленели листочки, дубовские козы сделали первый набег, в два счета преодолев этот самый забор. Так девчонки, увидев обглоданные деревья, разревелись, да не просто заплакали — они стали причитать над каждым деревом, как над человеком. Трудов стоило их успокоить.

И фильмы про войну нельзя было им показывать. На «Радуге» девчонки закатили настоящую истерику, даже мальчишек в это дело втравили. Долго дубовчане вспоминали, как детдомовцы смотрели этот фильм…

«Пройдет лет десять, нет — двадцать, тогда, может быть, забудутся те ужасы, которые они пережили, а сейчас единственное, что можно сделать для них, — любить их и жалеть», — думал учитель.

Павел Борисович, как маятник, ходил по классу — вперед, назад. До звонка оставалось немного, напряжение в классе спало. Сейчас начнут сдавать тетради. Павел Борисович уже прикинул, кого на сегодня он пригласит к себе домой. (Каждый день он приглашал разных ребят.) Во-первых, всех, кто плакал. Им надо дать разрядку. В домашней обстановке они успокоятся.

Когда прозвенел звонок и тетрадки были собраны, Павел Борисович сказал:

— Милости прошу ко мне сегодня в гости…

И он назвал всех, кого решил пригласить.

Цветные макароны

«Мы жили на „Красном Октябре“. Папа работал на заводе, а мама не знаю где. Когда бомбили завод, мама и братишка сидели в щели. Я с братишкой сидела в одном углу, а мама — около двери. Когда упала бомба, то она попала туда, где сидела мама, и ее убило, а меня взяла тетя Наташа и отдала в детский дом».

Январь 1944 г.

Валя Костина, 6 лет.

«Я до бомбежки Сталинграда немцами жила на Набережной улице, у нас был свой домик. Его папа сам построил. У нас было хорошо. Моя сестра Шура работала в больнице, а теперь она на фронте помогает раненым. Мой папа работал на мебельном заводе. Когда началась бомбежка, папин завод сгорел, и папа ушел на фронт. Мы с мамой остались одни. Нам было нужно спасаться, а тетю Дуню убило снарядом насмерть. Немцы все время стреляли.

Мамочка пошла закрыть дверь окопа, чтобы, не летели осколки. Немцы увидели и начали стрелять в маму, попали ей в спину и руку. От сильной боли она умерла.

Тетя Шура Карабакова похоронила маму и взяла нас к себе. Потом отдала нас в детприемник. Оттуда отправили в Дубовку».

Декабрь 1943 г.

Нина Карабакова, 6 лет.

Работал у нас в детдоме физруком Иван Дмитриевич Байбаков. Здорово он нас, мальчишек, закалял. Бывало, на улице метель, холод, а он командует: «На лыжи!» И маршрут придумает похитрей. Сам впереди, а мы за ним. Плачем, а идем. Потом, когда возврата емся в тепло, ни за что не признаемся, что ревака давали. Иван Дмитриевич начинает нам вроде бы сочувствовать: на улице метет, а мы маленькие, трудновато, наверное, пришлось. Но мы, как настоящие мужчины, отвечали: «Разве на улице метет? Что-то не заметили. Может, еще раз посмотрим?»

Иван Дмитриевич засмеется и скажет: «Орлы! Так держать!»

Очень любили мы с ним в походы ходить. Это тоже нам в жизни пригодилось. После техникума я работал на юге, под Ашхабадом, гидросооружения строил. Тяжело пришлось: жара страшная, суховеи с песком. Но ничего, выдержал. Другие не выдерживали, уезжали. Да, пришлось с нами повозиться воспитателям.

Из разговора с бывшим детдомовцем Иваном Арчаковым.

Было то время, которое зовется ранними сумерками. Детдомовцы только что возвратились из поймы реки Дубовочка. Там, неподалеку, они закладывали фруктовый сад. Размечали ряды, рыли ямки, а потом сажали тоненькие беспомощные деревца.

День был отличный: много солнца, сини, но главное — воздух. Земля пахла вешними водами, свежим ветром. От всего этого было радостно и чуть-чуть тревожно, как бывает весной. Словно ждешь чего-то.

В тот день ребята вдоволь наработались и набегались. В минуты отдыха мальчишки, конечно, не сидели на месте. Они играли то в чехарду, то в догонялки, то лезли к девчатам, дергали их за косички, срывали легкие платки. Визгу, смеху, восторгов!

После ужина чуть ли не все детдомовца высыпали во двор — в такую погоду в доме грех сидеть. И тут мальчишки задрались. Никто толком не мог сказать из-за чего. Но человек восемь тузили друг друга. Их удалось довольно быстро унять, а вот двое выскочили за ворота.

Завуч Наталья Федоровна Хомякова собралась было идти домой, но, выйдя за ворота, увидела такую картину: Витя Хворостухин и Ваня Арчаков стоят на разных сторонах улицы и у каждого в руке по кирпичу.

— Это что такое? Что за петухи? — спросила Наталья Федоровна подумала: «Убьют ведь друг друга».

— Сейчас же бросьте камни и марш домой!

Мальчишки и ухом не повели.

«Нет, уйти нельзя, — решила Наталья Федоровна, — а как устала за день, а дома-то ждут трое своих ребятишек и уйма дел».

Мальчишки стояли набычившись. Было ясно, что никуда они не уйдут. Оба отчаянные, особенно Арчаков. В прошлом году он с тремя другими ребятами ходил за минами в Ерзовку. Принесли их в Дубовку. Спрашивали их потом. Ваня Арчаков с удовольствием объяснял:

— Артиллерийский порох, как макароны, только цветной. Зажжешь его, а он летает.

Вот из этих цветных макарон устроил он фейерверк прямо над крыльцом дома Евгении Эдуардовны.

В прошлом же году, в апреле, сотрудники детдома расчищали подвал, нашли там много запалов от гранат. Пока их грузили на подводу, мальчишки расхватали и — под майки. Арчаков, конечно, больше всех успел. Как запасливый хозяин, часть спрятал под пеньком, а пять решил взорвать. Но один запал не взорвался.

Подошел к Володе Ермаков, по кличке Ганс.

— Ганс, никак.

— Подожди, сейчас будет хохма, — сказал Ганс и пошел в сарай.

Зажег спичку. Взрыв. Володька выскочил оттуда опаленный, в крови. Его сейчас же в санчасть. Потом провели тщательное следствие, нашли все запасы, а мальчишек предупредили: еще раз займутся этим делом — исключат из детдома.

После такого грозного предупреждения детдомовские саперы собрались на совет. Ваня Арчаков, самый заядлый минщик, постановил: «Баста. Завязываем». Вроде бы последнее время не слышно было, как они промышляли.

Но мальчишки такой народ, что ухо с ними держи востро. Вот сегодня драка — пожалуйста.

Наталья Федоровна видит, что противники не меняют своих позиций. Она делает последнюю попытку, можно сказать, отчаянную.

— Ваня, — говорит она, — как ты думаешь, сколько сейчас времени?

— Не знаю, — отвечает Ваня, — у меня часов нет.

— У меня тоже нет, но, думаю, где-то начало девятого.

— Что из этого?

— А то, что на работу я пришла в восемь утра. Как ты думаешь, могу я пойти домой к своим детям?

— Можете, вполне, — великодушно отвечает Ваня.

— Эх, Ваня, — вздыхая, говорит Наталья Федоровна, — в том-то и дело, что не могу.

— Почему?

— А потому, что боюсь — вы друг друга покалечите.

Ваня тотчас бросает кирпич.

— Мы не будем драться, идите.

— А не обманешь?

— Сказал же!

Противники действительно разошлись мирно.

Перед сном детдомовцам объявили: завтра, в воскресенье, по случаю весны и теплой погоды предстоят походы дальние. Это была по-настоящему хорошая новость.

Она долго не давала никому заснуть, потому что все стали фантазировать, как это будет.

Ваня Арчаков тоже не спал. Он давно уж собрал нехитрые походные пожитки и думал о том, что увидит в завтрашнем походе. Но часто бывает так: думаешь об одном, да вдруг вспомнишь прошлое. И так ярко все себе представишь. Кажется, будто ты не на кровати лежишь, а участвуешь во всем, что было

когда-то. Ваня даже рассмеялся. Вот он что вспомнил.

Прошлым летом поехали они за Волгу рыбу ловить. Нашли какое-то озерцо. Забросили удочки и сидят. День, помнится, был жаркий, очень захотелось искупаться. Но ребята решили прежде на уху наловить, костер разжечь. И только Борька Данилов не проявлял никакого интереса к воде. Мало того, он ее здорово недолюбливал и, если ему удавалось обвести воспитателей, не умывался. Это был самый крупный Борькин недостаток. Его пытались искоренить, но бесполезно. На все попытки заставить его умыться отвечал:

— И медведь не умывается, да вон как его люди боятся.

Так вот, сидят все на берегу озера, удочки закинули, а Борька Данилов — рядом с Ваней. Вдруг откуда ни возьмись — теленок, такой хорошенький белолобик. Подошел к ребятишкам, травку пощипывает, на них поглядывает. Потом ни с того ни с сего ка-ак кинется на Борьку и давай его бодать, да так зло, еле Борьку отбили. Данилов ужасно обиделся на теленка. Он сказал:

— Я что, рыжий? Почему именно на меня? Вон нас сколько сидело.

Мальчишки загоготали.

— Борька, чертяка, умываться надо, тогда никакой теленок тебе не страшен.

Борька засопел:

— Я вам про Фому, а вы мне про Ерему, — сказал он и боязливо, с отвращением полез в озеро.

Перед тем, как окончательно заснуть, Ваня подумал: «А вдруг завтра дождь?»

Утром никакого дождя не было. День обещал быть солнечным и ветреным. Все еще спали крепким сном, когда, выбежав на улицу, Ваня увидел Ивана Дмитриевича.

Тот был при полном параде: в походной куртке, около ног его, как верный пес, лежал рюкзак.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич, — сказал Ваня.

— Здравствуй, тезка, здравствуй. Как утро, а? Ох, и денек будет, друг!

— А куда мы пойдем, Иван Дмитриевич?

— На кудыкину гору.

— Нет, правда?

— А пойдем мы в степь, в сторону Балыклея. Там ведь мы ни разу не были, посмотреть надо.

— Эх, надо, Иван Дмитриевич, — весело сказал Ваня и сверкнул чернющими глазами. Иван Дмитриевич подумал, глядя на него: «Ну, чистый цыганенок: кожа смуглая, и волосы черные. Да и по нутру своему похож — так и глядит, где бы нашкодить».

За завтраком ели так быстро, что тетя Тоня спросила:

— И чего это вы как на пожар жуете?

Борька Данилов тотчас поправил тетю Тоню:

— Надо говорить торопитесь, а не жуете!

— Вот я и говорю. Вы хоть знаете, что едите?

Ребятишки закричали:

— Кашу! Кашу!

— Ну слава богу, что не щи! — сострила тетя Тоня.

Но как ребята ни торопились, все никак не могли выйти за ворота. Обычно так и бывает, когда вместе собираются человек тридцать. То одно забудут, то другое. Вроде бы все продукты на обед взяли, даже тети-Тонины сухарики, да соль забыли. Соль взяли, чуть удочки не оставили.

Все-таки вышли.

Пересекли несколько балок. Наконец Иван Дмитриевич сказал:

— Привал! Выбирай место.

Выбрать место — тоже нелегкая задача. Кругом столько этих самых мест и одно другого лучше, аж глаза разбегаются. Место наконец выбрали под тремя вербами. Сложили свои узелки в кучу, разулись и давай бегать, скакать, кувыркаться. Иван Дмитриевич подождал, пока нарезвятся, потом распорядился:

— А сейчас айда за дровами для костра.

Потом выбрали поваров, и помощники нашлись. Можно полегоньку и к обеду готовиться.

— Вода! Вода! Где вода? С чем щи варить, как чай пить? — завопил главный повар.

Действительно, вода нужна, а где ее взять, вокруг что-то ручьи не журчат. Отрядили несколько человек за водой. Ваня Арчаков позвал с собой Борьку Данилова. Тот отмахнулся:

— Да ну ее! Лучше я пойду поглазею один.

И ребята пошли искать воду по балкам. Довольно долго ходили, тюльпаны нашли, а воды все не было. Наконец увидели ручеек. Вода светлая, хорошая. А рядом еще один бежит. Набрали из второго, на поверхности его плавают маслянистые черные пятна.

— Никак, нефть, — сказал Иван Дмитриевич. — А ну, ребята, давайте отнесем эту воду вон тем людям. По-моему, это изыскатели.

Недалеко от места, где протекал ручеек, работала московская геолого-разведывательная партия. Показали им котелок с водой. Москвичи сказали:

— В этом районе есть нефть.

К своей стоянке возвращались с радостными криками:

— А мы нефть нашли!

Главный повар сказал сурово:

— Из нефти суп не сваришь. Гони воду.

Те, кто не ходил за водой, завистливо слушали рассказ ребят о том, как они были в гостях у московских геологов, видели настоящие топографические карты и даже держали их в руках.

Ни один, наверное, поход не обходится без приключений. Вода с нефтью — это еще не все. Это было, можно сказать, начало. Главное событие — впереди. Из-за него всем здорово пришлось поволноваться.

Костер пылал вовсю, в ведре аппетитно булькал суп, пахло свежезаваренным чаем и дымом, короче говоря, обед вот-вот будет готов. Ребята устали играть в лапту и присели недалеко от костра. Кто-то запел басом «Широка страна моя родная». Не вытянул до конца. Ребята засмеялись. Кто-то иронически заметил:

— Эх, спасибо скажи, Родд не слышит. А то заплакал бы.

Недавно в гости к дубовским детдомовцам приезжал Родд, друг Поля Робсона. Конечно, он пел знаменитую песню Дунаевского о Родине. Что делалось в зале! В тот вечер ребята увидели постановку с участием Родда. В ней рассказывалось, как линчевали негра за то, что он полюбил белую девушку.

Приезжала к детдомовцам и делегация французских женщин. Всю войну они томились в концлагерях. Француженки рассказывали ребятам о фашистских зверствах. Показывали выколотые номера на своем теле. Эти рассказы очень потрясли ребят. Многие плакали. Тогда француженки взяли детей на руки и запели «Гимн демократической молодежи». Дети угощали их арбузами и фруктами из своего подсобного хозяйства.

Так и сидели ребята в ожидании обеда и вспоминали последние события. Наконец главный повар объявил, что кушать подано (это означало не больше, как суп готов). Быстро расстелили под тремя вербами плащ-палатки, нарезали хлеб, высыпали в общую кучу тети-Тонины сухари. Совсем было собрались суп хлебать, как Иван Дмитриевич объявил:

— Отставить. Почему за столом только двадцать девять? Где еще один человек?

— Да не может быть, Иван Дмитриевич. Вы ошиблись. Все тут.

Стали еще раз считать — одного нет. Кого? Борьки Данилова. Покричали: «Борька! Борька!»

Не отзывается.

— Может, человек до ветру пошел.

Это предположение успокоило всех — и ложки застучали. Однако суп похлебали, а Данилов все не появлялся. Но ребята не

теряли надежды.

— К каше наверняка придет.

Съели кашу — Борьки все не было. Иван Дмитриевич всполошился не на шутку. И тут Ваня Арчаков вспомнил, что Борька отказался с ним идти за водой.

— И Борька сказал — один погуляет, — сообщил Ваня.

С тех пор прошло добрых три часа. Решено было идти на розыски. В какую сторону он пошел, Ваня не помнил, вернее, не видел.

Разделились на четыре группы. Пошли в разные стороны. Через полчаса — с докладом к Ивану Дмитриевичу. Нашел, не нашел — все равно.

Ваня Арчаков со своей группой двинулся на север. Пока лазали по балкам, чего только не передумали: «Побежал в Камышин (глупо, почему не в Сталинград), заблудился (в трех соснах, что ли?), волки загрызли (днем не может быть). Может, уснул где?»

Ребята шли и шли, вглядываясь в каждый кустик, в каждую ямку. Время от времени звали Борьку. Устали.

— Вот что, пацаны, айда назад!

— Если вон в той балке нет, то повернем.

Но Борька оказался не в балке. Рядом, справа, ближе к грейдеру, было вспаханное поле. На самом дальнем краю увидели Борьку. Радостно закричали ему:

— Борька! Борька! Жми сюда! Мы тебя ищем!

Но Борька почему-то не вскочил и не побежал. Как сидел, так и сидел. Явно, он был чем-то занят. Когда подбежали поближе, увидели такую картину: Борька сидит верхом на авиационной бомбе, как на хорошо откормленной свинье. Ребята прикинули— метра этак два, два с половиной будет. Так вот, сидит Борька на бомбе и постукивает по ней камушком. Стук-стук.

Ребята подошли поближе. Ваня Арчаков невольно подумал: «Вот бомбы я ни разу не разряжал — пороху там видимо-невидимо». Борька, наверное, давно стукал, но у него ничего не выходило, и Ваня хотел ему совет дать. Или помочь. Но он представил, что будет, если бомба взорвется. Он вспомнил, как бомбили их в Сталинграде. И на него навалился страх, такой, как тогда. Арчаков крикнул изо всех сил:

— Борька! Слезай сейчас же!

Другие тоже закричали:

— Иди сюда! Быстро!

— Ага, я не наигрался, — ответил Борька.

И снова стук-стук. Что делать? Побежали за Иваном Дмитриевичем, доложили. Он побледнел.

— Скорее! Тащите сюда!

— Да он не идет. Сидит себе и стукает.

Побежали все вместе. Борька шел им навстречу. Видимо, наигрался.

Все были так рады, что Борька слез наконец с этой проклятой бомбы, что в первый момент и не ругали его. Через некоторое время Иван Дмитриевич сказал, взяв Борьку покрепче за плечо:

— Что же ты, паршивец, с нами делаешь, а? Ты представляешь, что будет, если взорвется эта чушка?

— Ничего она не взорвется, сколько стукал — никакого толку. Бракованная, должно быть, — ответил Борька как ни в чем не бывало.

— Нет, ты сейчас же дай мне слово, что больше некогда такого не сделаешь, — побледнев, сказал Иван Дмитриевич.

Борька было прикинулся дурачком, но поддержки у ребят не получил. Это его удивило, и он впервые внимательно посмотрел на всех.

— Ладно! Сказал, не буду, значит, не буду!

«Три мушкетера»

«Наш детский дом ежегодно участвовал в областных олимпиадах, организуемых облоно для воспитанников детских домов.

Поездка в город доставляла мне огромное наслаждение. Любила я наблюдать за восстановлением нашего города. Помнится, первая олимпиада проходила в Бекетовке. Мы поднимались от Волги по деревянной лестнице. Кругом песок, а наверху разрушенный город — разбросанный кирпич, остатки стен зданий.

А на другой год я с радостью отмечала изменения. Все подобрано, нет нигде кирпича. Что отстраивается, обнесено забором. Театр музыкальной комедии красуется над Волгой. В этом театре потом мы проводили все наши олимпиады.

Подъезжали мы к Сталинграду на больших волжских пароходах. Встречали здесь с духовым оркестром. Нам дарили цветы, развозили на голубых автобусах по школам, где были у нас общежития. А самое интересное впереди — мы будем выступать и смотреть других. Все детские дома выступали хорошо.

Мы покажем „Сказ а зеленых заслонах“. Это как раз был год лесонасаждений. Мы летом тоже работали на лесополосах.

А какие замечательные выставки детских работ были в фойе театра! На что только не способны детские руки!

В нашем детдоме воспитывался Шура Ткаченко. Он очень хорошо вышивал. Его работы всегда были на выставке.

Всегда мы занимали одно из первых мест и увозили домой награды и подарки. Возвращались в Дубовку тоже на пароходе, а нас уже встречали.

На всю жизнь мне запомнились счастливые дни в плавучем лагере на пароходе „Борис Щукин“. Ежегодно после олимпиады он увозил триста-четыреста воспитанников детских домов вверх по Волге до Москвы и обратно. Мне посчастливилось быть в первой группе этого плавучего лагеря.

Торжественным строем, под музыку духовых оркестров шли мы на теплоход. Нас провожала общественность Сталинграда с цветами и приветствиями. Нас называли „дети Сталинграда“.

На пароходе установился режим пионерского лагеря, так как нам нужно было отдохнуть и набраться сил к новому учебному году.

Останавливались мы во всех достопримечательных городах на Волге. Первая остановка — Камышин. Здесь родился и рос Герой Советского Союза А. Маресьев, чье имя носил наш лагерь.

В Саратове были в музее Чернышевского, в Ульяновске — в доме, где жил Владимир Ильич Ленин. В Горьком посетили дом Каширина.

Часто бросали якорь где-нибудь около леса, сходили с парохода и разводили костер. Пели, плясали. Наша музыка эхом отдавалась в лесу. Повеселившись, мы шли на пароход и плыли дальше.

А Москва! До сих пор осталась в нашей памяти. В Москве мы побывали во многих музеях, в подмосковных пионерских лагерях. Были у министра просвещения, где нам подарили книги».

Из воспоминаний Жени Жуковой, бывшей воспитанницы Дубовского детского дома.

В пять утра к Дубовской пристани причалил пароход «Кренкель». Среди тех, кто сошел на берег, были три подростка: красивый, среднего роста Геннадий Сополев, рыжий, маленький Коля Крышкин и длинный Володя Торгашов. У каждого в руках по деревянному чемоданчику. Ребята приехали из Арчединского детского дома.

Дубовские досматривали сладкие сны, когда «три мушкетера» ступили на территорию детского дома. Сюда они приехали, можно сказать, не к чужим людям. На год раньше их окончили семилетку в Арчединском детском доме Аня Вербенко, Рая Митрошкина и Тоня Романова. Сейчас они учились в педучилище, а жили в Дубовском детдоме. Вот их-то и пошли искать ребята.

Девчонок пришлось разбудить. Как только они увидели, кто приехал, пошли охи-ахи. Известное дело — девчонки, они же не могут без эмоций. В общем, разбулгачили чуть ли не весь корпус. Да ладно, ради такой встречи. Вышли во двор, присели на лавочку.

Коля Крышкин, любитель поесть, первым делом спросил:

— Как харч, девчата?

— Харч хороший, мы надеемся.

Володю Торгашова интересовали более возвышенные вещи:

— Дубовка — большая деревня или получше?

Аня Вербенко защебетала:

— Ты уж скажешь, Володечка! Какая же это деревня, это город. Город, понимаешь? Не сравнить, конечно, со Сталинградом. Но все-таки. Здесь такой парк! Да и Волга рядышком, как ты видел.

Володя презрительно фыркнул:

— Нашла достопримечательность! Да, Волга — это достопримечательность Европы, если хочешь. Она, сударыня, самая полноводная и самая длинная из всех европейских рек.

Гена сказал:

— Ну, силен в географии! Ну, блеснул!

Все засмеялись. Аня примирительно сказала:

— Да что спорить о Дубовке, мы вам лучше ее покажем.

— Нет уж, вы лучше расскажите, есть ли что смотреть, — со смехом возразил Володя.

— Ох и вредный ты, Торгашов, — сказала Тоня Романова. — Думаешь, мы те лягушки, которые свое болото хвалят?

— Конечно. А если так, Арчеда в сто тысяч раз лучше. (Не знал тогда Володя, что Дубовка станет для него всем: здесь он будет жить, работать, обзаведется семьей.)

Гена, как всегда, поддал Торгашову:

— И в арифметике он силен. Какими цифрами ворочает, а?!

— Ребята, хватит, — сказал Коля Крышкин. И добавил мечтательно: — Эх, пожевать бы что-нибудь.

— И так толстый, — отрезал Гена.

— Мы отвлеклись, кажется, от дубовских достопримечательностей, — напомнил Володя.

Тоня вскочила со своего места, подбежала к Володе и забарабанила малюсенькими кулачками по его плечам, приговаривая:

— Несносный, упрямый! Несносный, упрямый! На, получай дубовские примечательности: дом Степана Разина — раз! Где ты еще такой найдешь? Ну, быстро! Не знаешь? Пошли дальше. Подземный ход в четыре километра! Спускаешься в пункте А, выходишь в пункте Б. Дуб, которому пятьсот лет! Хватит?

— Сдаюсь! — закричал Торгашов и поднял руки.

Пока ребята говорили, детский дом проснулся. Первые любопытные пришли смотреть новичков. Маленький Коля Крышкин комично вскидывал руки, истошным голосом повторял:

— Кыш! Кыш отсюда, окаянные!

Какой-то пацан, тоже рыжий, сказал с достоинством:

— Мы не окаянные. Мы детдомовские.

Коля Крышкин тотчас исправился:

— Кыш, детдомовские! Кыш!

Рыжий улыбнулся и пошел прочь. Наверняка подумал: «Веселые пацаны».

Было уже около восьми — пора и начальству доложиться. И они пошли к Евгении Эдуардовне.

Ребята приехали сюда с большими личными планами: чтобы их приняли в Дубовский детский дом, дав тем самым возможность закончить десять классов. Все трое закончили семилетку на «отлично».

Евгения Эдуардовна встретила их приветливо.

— Я не возражаю, чтобы вы жили у нас. Мы вам даже выделим отдельную комнату. Но у меня к вам просьба: надо получить «добро» облоно; поезжайте в Сталинград сами, и если вам разрешат, жду вашей помощи, большого участия в детдомовских делах.

У ребят все утряслось, и они стали жить в Дубовском детдоме. В шутку они называли себя квартирантами, но так было недолго. Скоро, очень скоро они окунулись с головой в детдомовские дела.

Для начала «три мушкетера» провели операцию «Воробей». Вот как все было.

Рыбная ловля, пожалуй, самое любимое занятие детдомовцев. Чуть выпадет свободная минута, удочки на плечо и — на Волгу. Иногда по двадцать-тридцать человек высыпали на берег. Забавное это было зрелище: целая ватага закидывает одновременно удочки, и все молчат в ожидании, и ни у кого не клюет…

В такой вояж отправился однажды вместе со всеми и второклассник Воробьев, по прозвищу Воробушек. Был он маленький чернявенький. Пошел рыбу ловить, да и не вернулся. По детдому тотчас разнеслось: «Воробушек пропал!»

«Три мушкетера» обыскали берег — нет. Обшарили территорию дома отдыха — нет. Наступила ночь, а Воробушка никак не найдут. Под утро пошли снова на берег. Перевернули лодку, а там Воробушек. Свернулся клубочком и спит. Его разбудили, конечно. Воробушек сказал, зевая:

— А я луной любовался и уснул.

Ребята загоготали.

— Вот это рыбак. «Шаланды полные кефалей»…

— Где твоя кефаль?

Воробушек не знал, что такое кефаль, но на всякий случай сказал:

— Я ее не брал!

— Рыба это, рыба, Воробушек.

— Так бы и сказали. Вон там три штуки, возьмите под лодкой.

Рядом с комнатой, где жили «три мушкетера», находилась кастелянтная. Пошли туда ребята белье менять и увидели целый склад гитар, балалаек, мандолин. У Володи Торгашова сразу глаза разгорелись.

— Эх, оркестр бы струнный сгондобить! — сказал он.

— Из этих развалин ты хочешь оркестр? — как всегда, возразил ему Гена.

Пока они пикировались, Коля Крышкин извлек три

балалайки, осмотрел их внимательно.

— Слушайте, что я вам скажу: гарантирую из трех балалаек одну.

— Ай да Крышкин, а ведь он прав!

Сказано — сделано. Стащили все инструменты в свою комнату, крикнули малышню — и работа закипела. Вскоре мандолина, гитара и бас были налицо. Коля Крышкин, конечно, бас.

На счастье «трех мушкетеров», в детдоме появился Рубль Восемьдесят — так между собой звали ребята Петра Никифоровича, обладателя прекрасного роста — метр восемьдесят. Так вот, Петр Никифорович великолепно играл чуть ли не на всех музыкальных инструментах. Он-то и помог ребятам сколотить оркестр и немного, пока работал в детдоме, руководил им.

Детдомовский оркестр всегда имел большой успех у зрителей. Еще бы! Здесь был даже ударник!

Однажды комната «трех мушкетеров» превратилась в художественную мастерскую. Утром, когда они уходили в школу, в комнате ничего не было, кроме кровати и стола. Но стоило им вернуться на два часа позже Торгашова, она застали такую картину: на столе, на кроватях и на полу были разостланы листы белой бумаги. Володя мурлыкал себе под нос. Честно говоря, зрелище было довольно странное, и Гена Сополев не мог не прокомментировать его:

— Крышкин, как ты думаешь, что бы это значило? По-моему,

наш друг, а также одноклассник, а также сосед по койке, а также самый интеллигентный из всех нас, подрядился изобразить на этих полотнах самых знаменитых граждан Дубовки. Я вижу, он в затруднении, он не знает, с кого начать.

— Да, — сказал Коля Крышкин, — в этом деле надо быть осторожным.

— В каком деле, Крышкин? — спросил Володя, по-прежнему лежа на животе.

— А ты встань, тогда скажу.

— Ты же знаешь, мне это нетрудно, не то, что тебе.

И Володя легко вскочил, пошел на Крышкина.

— Крышкин, понимаешь, — сказал Володя и сгреб его в объятия, — я буду рисовать вкусные вещи: клубничку, вишенку. А также суховей-вей-вей!!!

При этих словах он так стиснул Крышкина, что тот завопил не своим голосом:

— Понимаю! Отпусти! Крышкину крышка!

Володя перестал его тискать и сказал:

— Вот именно. Каждому свое: Крышкину — крышка, а хорошеньким девочкам — полевые цветы. Я их тоже буду рисовать! А вас назначаю главными консультантами.

Едва Володя договорил эту цветистую речь, как в комнату постучали. Вошел семиклассник Толя Гончаров.

— Мне сказали, чтобы я помогал художникам.

Гена Сополев язвительно заметил:

— Вот еще один, кто примажется к славе Владимира Торгашова.

До свидания, пароход!

«Мой папа работал милиционером. Он всегда уходил на работу рано. Один раз немцы зашли к нам. Мы с мамой пекли пышки. Они у нас забрали тесто и пышки.

В Сталинграде были сильные бои. Стреляли из пушек. Я стала звать маму в окоп, но она не пошла. Я убежала одна, а мама осталась в доме. Разорвался снаряд, и ее убило. Она долго лежала в коридоре, ее некому было убрать.

Когда стрельба затихла, соседи похоронили маму, а меня взяли родные. Я немного жила у них, потом меня отдали в детский приемник, а оттуда привезли в Дубовку».

Ноябрь 1943 г.

Валя Наталюткина, 5 лет.

Каждый день жизни в детском доме был насыщен какими-либо событиями. К нам приезжали красноармейцы из шефствующей воинской части. Привозили деньги, на которые мы улучшали свой быт, и каждый воспитанник имел свою сберегательную книжку, чтобы после выхода из детдома на первое время были свои деньги.

Встречали мы делегацию комсомольцев из Болгарии. Среди них был сын Димитрова. Показывали художественную самодеятельность, играли.

А сколько раз приезжали к нам рабочие-артисты с тракторного завода, устраивали для нас концерты. Мы тоже ездили к ним со своей художественной самодеятельностью. Через каждые две недели мы выступали в доме отдыха «Металлург». Они тоже были наши шефы. Возвращались оттуда с хорошими подарками, веселые, счастливые. Нам жилось хорошо. Мы были окружены всеобщим вниманием.

Из письма Раи Гончаровой, бывшей воспитанницы Дубовского детского дома.

Торжественный туш должен был прозвучать двадцать один раз. Это знали все. Но когда он звучал, казался неожиданным. И каждый раз — ножом по сердцу.

— Я сейчас разревусь, разревусь, разревусь, — громким шепотом повторяла Римма Колетвинцева.

Она стояла рядом с Женей Жуковой и в такт своим словам дергала ее за руку. Женя прошептала:

— Я тоже. Милька уже плачет.

Евгения Эдуардовна торжественным голосом говорит:

— Свидетельство об отличном окончании семи классов вручается Римме Колетвинцевой.

Аплодисменты. Туш. Римма идет к Евгении Эдуардовне, как слепая, на ощупь. Евгения Эдуардовна ловит се, наконец, за руку. Потом порывисто прижимает к себе, целует. И говорит бередящие душу слова:

— Римма, дорогая моя девочка! Как бы ни сложилась твоя жизнь, как бы далеко ни занесла тебя судьба, помни: здесь, в Дубовке, твой дом. А когда человеку трудно, он всегда приходит домой.

— Свидетельство об отличном окончании семи классов вручается Жене Жуковой…

Снова аплодисменты. Туш.

На «отлично» кончили седьмой класс Миля Самойлова, Толя Гончаров.

1951 год. Первый выпуск детдомовцев. 21 человек. Торжественная линейка. Проводить первых выпускников пришли все сотрудники детдома, все до одного. Шефы тоже были здесь.

Они смотрят, как один за другим подходят к Евгении Эдуардовне ребята: Юра Арчаков, Ваня Кулаков, Эдик Долматов, Витя Луцко, Толя Беликин, Витя Чеплаков… Девять лет назад привезли их из-под бомбежки, испуганных, худющих, со вздутыми животами. Многие не могли идти сами. Их несли на носилках…

И вот стоят эти ребята на линейке. Торжественная минута всегда накладывает на человека особый отпечаток: из тебя как бы извлекают то, что ты старался прятать. В обыкновенной жизни ты, например, стесняешься плакать, считаешь слезы величайшей слабостью и стараешься выплакаться, уж если до этого дело дойдет, где-нибудь в уголке. А уж если заметят у тебя красные глаза, ты всегда найдешь оправдание — голова болит, вот глаза тому доказательство. Правда, все это относится больше к мальчишкам. Девчонки не считают слезы слабостью, наоборот, это их оружие. Ну, а если честно, обычно человек плачет, не рассуждая.

Сегодня у многих мальчишек и девчонок глаза на мокром месте. Просто всех пронзила острая жалость. Невозможно было поверить в этот торжественный час, что вот с этой минуты ты — отрезанный ломоть. Завтра ты проснешься уже не детдомовцем. И хотя ты со всеми вместе пойдешь в столовую, на Волгу, ты будешь чувствовать себя немножко чужим. А это обидно! С этим невозможно смириться. И поверить трудно…

После торжественной линейки ребят пригласили к столу. И такой им закатили пир — пальчики оближешь. За столом напряжение спало. Ребята принялись подшучивать друг над

другом. Вспомнили прежние разговоры.

— Вот ты ревака дал, а кто говорил: «Скорее бы уйти из этого детдома»?

— Ну, говорил. И не один я. Что из того?

Рассудительный Толя Гончаров мирил спорщиков:

— Хватит вам, ребята. Каждому хочется скорее быть самостоятельным, вот и подгоняли время: быстрее, быстрее!

— Это точно, — сказал Володя Чеплаков. — Я просто не мог дождаться дня, когда пойду на «Красный Октябрь», где отец работал.

— И я тоже, — сказал Толя Беликин.

Аля Захматова вдруг стала возражать.

— Ага, Толечка, тебе хорошо говорить — ты здесь остаешься…

Толе Гончарову, как отличнику, сделали исключение: разрешили закончить в детдоме десять классов. Об этом и говорила Аля.

— Мне здорово повезло, честное слово. Вместе с сестрой побуду еще.

Толя и Рая по-прежнему нежно относились друг к другу. Рая очень переживала, оставят Толю в детдоме или нет. И вот теперь она сияла…

В этот торжественный день ребят ждал еще один приятный сюрприз. Их пригласили шефы дома отдыха «Металлург». И попросили в последний раз дать концерт, так сказать, прощальный. Собрались и пошли все вместе.

…Дубовские улицы в этот день выглядели по-особенному. Были они такие же тихие, как всегда, но людей на них было больше. Женщины выходили за ворота и смотрели на ребят. Многие в Дубовке знали: идет первый выпуск…

А вот и дом отдыха. Вошли в знакомый парк, конечно, с шумом, гамом. И все сразу узнали — пришли гости. Встречайте!

Директор дома отдыха вышел навстречу, приветлива сказал:

— Милости просим в зал! Ждем вас давно.

В зале уже полно народа. И так только ребята вошли, раздались аплодисменты. Их поздравляли, одаривали. А потом они выступили с концертом.

После концерта все пошли к Волге. Река была спокойной, и в ней, как всегда, отражались все краски неба. Ребята сегодня слишком возбуждены, поэтому была довольно шумно. То и дело говорили: «А помнишь?» И наперебой стали вспоминать тот вечер у костра, когда Людмила Васильевна открывала тайны о каждом из них.

— Людмила Васильевна, а вы нам характеристики будете

писать, да? — спросила Женя Жукова.

Людмила Васильевна ответила:

— Обязательно, девочки.

— А какие мы?

— Да как вам сказать? Разные.

Девчонки закричали: «Какая я?»

— Начнем, пожалуй, с тех, кого нет. Женя Шаталина. Сейчас она, должно быть, бегает по Москве, потом сядет на «Бориса Щукина» и приплывет к нам. И мы снова получим подарок Деда Мороза.

— Почему Деда Мороза — сейчас же лето?

— Бывают люди, как подарок, как праздник. Видеть их всегда приятно, необходимо. И если бы Женя была сейчас с нами, я бы ей сказала: «Женя, знаешь, кто ты для меня? Подарок Деда Мороза. До сих пор я не подозревала, что на свете живет такая замечательная девчонка. Вот ты приехала — и я получила подарок. Женя, я люблю тебя…»

— А я — подарок? — спросила Миля.

— Ты — подарочек! Вспыльчивая, упрямая и сама страдаешь от этого.

Она действительно страдала от своего характера. Месяц назад Миля стояла на пристани и шептала побелевшими губами: «До свидания, пароход…»

«Борис Щукин» отплывал в Москву, и Миля Самойлова должна была плыть. Милька — отличница, певунья. Но характер! На областной олимпиаде она отказалась дирижировать. Знала, что лучше ее никто не сумеет это сделать, и все-таки отказалась. Оказывается, она хотела быть независимой и самостоятельной, как мальчишка. А настоящего мальчишку никакими коврижками не заставишь делать то, что он не хочет. Так думала Миля. Принципы же, как известно, стоят жертв. И Милю наказали — не взяли в Москву.

Проговорили до самого вечера.

— Идемте домой. Кое-кто завтра уезжает…

Первыми уезжали из детдома девчонки.

* * *

Дубовка. Звоню сначала на завод металлоизделий. Телефон директора не отвечает. Набираю проходную. Слышу приветливый голос.

— Вам Владимира Ивановича, директора? Так его нет. Он же не сидит на месте. Сейчас в Волгограде. Он туда наведывается

иногда по два раза в день. План надо выполнять. То за одним поедет, то за другим.

— Сейчас полшестого. Как вы думаете, когда он вернется из Волгограда, он зайдет на работу?

— Возможно. Он частенько здесь вечерами пропадает. Но позвоните лучше домой.

Звоню домой. Мальчишеский голос отвечает:

— Папы нет, он в Волгограде.

Не на заводе, а в Волгограде — дома, значит, тоже в курсе.

Жду. Около семи директор приехал.

Какой-то человек сказал мне, что директор на проходной. В комнатушке человек пять. Обращаюсь к мужчине посолиднее:

— Вы директор?

Он смущенно улыбается, говорит:

— Нет, что вы. Директор — вот.

Показывает на высокого молодого человека. Приветливые глаза, лицо какое-то студенческое. И одет он тоже по-студенчески: короткое темно-серое пальто, на голове шапчонка. Для полноты картины за лацканом пальто не хватает книжек. Вот он какой, Володя Торгашов, директор.

Нам надо поговорить. И он приглашает меня в заводоуправление, в свой кабинет. Идем в кромешной тьме (дело было зимой, в декабре), по каким-то рытвинам. Того и гляди свалимся в траншею. Директор объясняет:

— Сегодня авария случилась на электролинии. Вот и темно на улице. Хорошо, если у меня есть свет. А это, — он указывает на траншеи, — сантехники о себе память оставили. Это их стиль: разворочают — и до свидания.

Все это говорится с улыбкой. И вообще, манера говорить какая-то свойская.

Вот и кабинет. К счастью, здесь есть свет. Огромная холодная комната, очень скупо обставленная. Стол с телефоном, стулья — и все.

Директор сгребает с себя шапку и кидает ее на стол.

— Раздеваться не советую — замерзнете.

Он усаживает меня за свой стол — писать удобнее. Я раскрываю блокнот.

Директор рассказывает о себе скупо.

— Я как раз нетипичный детдомовец: мы приехали в Дубовский детдом из Арчединского в сорок девятом году. В общем-то, жили, как на квартире. Иногда заменяли воспитателей, когда они болели. Самодеятельность там. Рисовал. Почти все приличные рисунки раздарил.

Володя, как говорится, спал и видел себя художником.

Получив аттестат зрелости, поехал в Симферопольское художественное училище, но опоздал. Потом как-то так получилось — махнул на это рукой, поступил в политехнический институт. Сразу после окончания приехал в Дубовку, на завод. И осел здесь. Растут два сына — школьники.

— Я нетипичный детдомовец. На нашем заводе работает электрик Саша Ткаченко. Вот он с самого начала был в Дубовском детдоме.

В кабинет вошли электрики. Стали договариваться о ночной работе — аварию ликвидировать надо как можно быстрее.

— Вы не знаете, — спрашивает у них директор. — Ткаченко здесь?

— Здесь.

— Позовите, пожалуйста.

Приходит Ткаченко. Ему некогда. Он тоже должен работать. Договорились встретиться завтра, но так и не встретились.

Тетя Тоня мне сказала:

— Придешь на почту, увидишь быструю девчонку, у которой все в руках горит, — это Юля Щелкунова, теперь она Зимина. Бывало, принимает посылки — никакой очереди. В руках эти ящики, квитанции, карандаш так прямо и летают.

И тетя Тоня изобразила жестами, как Юля Щелкунова принимает посылки. Было очень похоже, что она сидит на скамейке верхом и картошку чистит.

Почта в Дубовке расположена в новом здании, рядом с Московской улицей, напротив домов, где был когда-то детдом. Как только я вошла в здание почты, сразу обратила внимание на белокурую худенькую девушку. Она, правда, посылки не принимала. Она что-то записывала в толстую книгу. Прямо к ней обратилась:

— Мне нужна Юля Щелкунова, то есть, извините, Зимина.

— Это я и есть.

Мы познакомились. Она тотчас проводила меня в комнату, где разбирают почту. Мы уселись за стол друг против друга. Юля сказала:

— Сейчас с минуты на минуту должна ко мне приехать из Ставрополя моя детдомовская подружка Люда Варакина.

Я даже подпрыгнула на стуле.

— Зачем?

— Новый год встречать. Мы с ней познакомились в изоляторе, как только меня привезли в детский дом, да вот и дружим до сих пор.

Вскоре приехала Люда. Мы разговорились. Первое, что вспомнили Юля с Людой, как в пионерский лагерь ездили. Около

Камышина есть Балберочная балка — там лагерь располагался.

Было там хорошо, весело. Но Юле этого было мало — она всегда искала приключений.

— Отправились за яблоками в сады. Не успели набрать полные пазухи, как сторож заметил. Все убежали, а меня захватили. Я как упала на живот, обняла яблоки. Надо бы бежать, да яблоки жалко. А теперь вот свои сорванцы растут. Иногда думаю, ну в кого мои мальчишки уродились?

Юля смеется. И еще больше становится похожа на вихрастую непоседливую девчонку.

Конечно, Юля с Людой в самодеятельности участвовали, как почти каждый детдомовец. Юля, например, помнит, как она лихо гопак отплясывала.

— Конечно, многое забылось. Но главное, нас отогрели в детдоме, сделали людьми. Кого только не вышло из детдомовцев! У нас есть и артист Большого театра, и летчик, учителя, инженеры. В общем, кто хотел учиться и добиться чего-то в жизни, тот добился.

Я встретилась с Юлей и Людой в предновогодний день. На почте без конца толкался народ. Поздравительных открыток, телеграмм — уйма, надо проследить, чтобы все это было доставлено в срок. Четкость и слаженность в работе зависит прежде всего от начальника отделения. И Юля убегает.

Кстати, Дубовская почта доставила поздравительную открытку Антонине Васильевне Лымаревой, бывшему повару детдома, из города Михайловки от Евгении Эдуардовны Волошко.

В вагоне электрички сидит молодая женщина с двумя детьми. Ведет она себя очень беспокойно: то, не отрываясь, смотрит в окно и делает над собой усилие, чтобы не расплакаться, то на часы поглядывает. Дети нетерпеливо глядят в окна, спрашивают:

— Мама, скоро?

— Не очень скоро, но приедем, — отвечает женщина.

Рядом с ней сидит муж. Он сочувственно спрашивает:

— Волнуешься?

— Да, очень. Сама, как маленькая, не дождусь, когда доеду.

Как обычно бывает, когда очень спешишь, поезд, кажется, ползет черепахой.

Электричка в конце концов подъезжает к нужной остановке. Женщина говорит:

— Сейчас увижу Женьку, мою дорогую Жукову. Она же не знает, что я Толю Беликина разыскала, своего названого брата, Женю Шаталину пригласила. Если приедут — вот будет встреча. Представляешь, открывается дверь — входит Толя Беликин.

Женька делает круглые глаза: «Толя, какими судьбами?»

Вот и квартира. Женщина нажимает на звонок так, что на весь дом перезвон.

Женя открывает дверь.

— Миля, дорогая моя!

Конечно, это была заводила и непоседа Милька Самойлова, а точнее Эмилия Петровна Бурылова — конструктор одного из свердловских заводов. Конечно, это она организовала встречу бывших детдомовцев у Жени Жуковой.

«Приехали Женя Шаталина и Толя Беликин, Юра Галушкин, Витя и Ира Чеплаковы.

Стол был отличный, пели наши старые песни, смотрели альбомы с фотографиями. Много всего вспоминали.

Ведь это здорово, что нас так мог породнить всех детский дом».

Из письма Мили Самойловой.

Детдомовцы нашли свое место в жизни. Многие выбрали себе путь, будучи еще в детском доме. И мы помогли осуществить им свои мечты.

Толя Гончаров мечтал учиться, и он окончил политехнический институт в Новочеркасске.

Его сестренка Рая Гончарова окончила Волгоградский нефтяной техникум. Нина Шиповская и Женя Шаталина мечтали стать учительницами. И они ими стали.

В лаборатории на одном из волгоградских заводов работает Жукова Женя, а ее сестра Вера — в Казахстане преподавателем физкультуры в средней школе.

А как много наших воспитанников остались работать на заводах Волгограда! Они встали к станкам, где трудились их отцы. Беликин Толя, Галушкин Юра, Колетвинцева Римма и многие другие.

Многие воспитанники работают в сельском хозяйстве Дубовского района. Пономарева Тая, Наталюткина Валя, Олейникова Вера, Васильев Гена.

Всех, конечно, не перечислишь.

Так вот они где, наши малыши, спокойные и озорные, тихие и задорные. Все они влились в большую советскую семью. И каждый на своем посту делает большое дело.

Из воспоминаний Е. Э. Волошко.

От автора

Первой, кто откликнулся на книгу «Дети Сталинграда», была Галина Сергеевна Плотникова, врач. Она живет и работает в Дубовке с 1947 года, поэтому хорошо знает жизнь детского дома, его воспитанников. «Книга заслуживает большого поклона, — написала Галина Сергеевна, — она дорога всем, кто видел этих детей, кто их знал и знает сейчас. Она не может не тронуть любое сердце».

Книга тронула не только читателей, но и главных героев повести — самих детей Сталинграда. Вот письмо Лиды Шандишовой из Тольятти.

«Уважаемая, дорогая Лилия Петровна!

Огромное вам спасибо, что вы дали нам такую большую радость — книгу. Вероятно, вы уже получили много откликов — писем от наших воспитанников, так примите же и от меня большое-большое спасибо. Вы знаете, все перевернулось в душе. То, что было пережито в то тяжелое время, никогда не забудется. Вновь я увидела пожарище, услышала пронизывающий вой самолетов, крики. И в то грозное время нас спасал народ. Ведь каждый знает, что 1943 год — это страшный год войны, когда все еще решается судьба — быть или не быть. И в это время люди думают о детях. Как мало сказано о тех, кто нас вынянчил, поднял на ноги, дал нам, голодным, больным, жизнь, вернул детство. Сколько надо было иметь терпения. В наших глазах жил постоянный страх. Многие из нас не помнили имен, фамилий, отцов, матерей, но зато хорошо помнили вой самолетов и развалины, откуда нас вытаскивали. Как было трудно нашим воспитателям, можно понять сейчас, а тогда нам всем хотелось материнской ласки, любви.

У меня много сохранилось детдомовских фотографий детей, воспитателей, учителей. Перед ними мы вечно в долгу. Забыть ли нам, как они приносили нам платья, мячи, ложки — кто что мог, чтобы облегчить, скрасить нашу жизнь. Забыть ли, когда в морозы учителя сами приходили в детский дом учить нас. Можно ли забыть вкусный, ароматный кусочек пирога из тыквы, который давали нам в школе.

Как можно забыть нашу любимую воспитательницу Анну Ивановну Павлову?! Живет она в Дубовке. Этот человек умел буквально завораживать своими рассказами. А Надежда Ивановна Водолагина? Она вечно нас обшивала, пришивала пуговицы, латала. Таисия Петровна Спирчева, наша любимица, повар тетя Тоня, тетя Маруся Киселева. А наши прачки, которые до крови

стирали свои руки, — им, им мы благодарны. Спасибо вам, люди, что трудом, терпением, любовью и лаской вернули нам самое дорогое, самое драгоценное — жизнь.

После выхода вашей книги у меня появилась возможность со многими переписываться. Через двадцать — двадцать пять лет мы находим друг друга. Такое ощущение, будто бы нас испытала и проверила жизнь: ну как, сталинградцы?

Особо мне хочется написать о моих приемных родителях — Фаине Федотовне и Михаиле Епифаповиче Гомозковых. Они настоящие коммунисты, для меня — пример во всем. 25 лет я хожу и езжу к ним, и зачастую, как это было, когда я училась в техникуме, с подружками. Эти люди отдали все для меня и моих детей.

Трудная сложилась у меня судьба — в войну всех потеряла. Когда же я нашла свое счастье, выйдя замуж, и тут одна беда за другой: смерть сына, смерть мужа. Как все это вынести? Если бы не мои мама и папа… Они разделили горе вместе со мной. Я всегда ждала с нетерпением писем от мамы — они были теплыми, ласковыми, они учили жить, бороться с трудностями. Иногда все казалось безнадежным, не хватало сил — и вот письмо. В письме приказано: „Живи, дочка, у тебя дети, а дети — это все“. Пусть знают люди: ни в сказке, ни в кино, а в жизни есть добро, есть люди, которые отдают все для счастья других.

Лида Шандишова».

«Дети Сталинграда» — документальная повесть, здесь ничего не придумано, здесь все — правда. Встречаясь с бывшими детдомовцами, я только записывала их рассказы. И все страшное, пережитое так остро вспоминалось, будто это было вчера…

«Как живется им, детям войны, сейчас, кем они стали, как выглядят?» — такие вопросы задавали читатели в письмах, об этом спрашивали школьники на встречах. На эти вопросы в какой-то мере ответила телевизионная передача.

Сюрприз

Телепередача без киноочерка о Дубовке, где когда-то был детский дом, приютивший маленьких сталинградцев, была просто немыслима, поэтому съемочная группа отправилась в этот симпатичный город.

Рядом с огромным тенистым парком, в старинном деревянном доме живет Людмила Васильевна Корнеева, бывшая воспитательница детского дома. К ней, как к самому родному

человеку, приезжают детдомовцы. И хотя у самой Людмилы Васильевны четверо детей, она найдет время встретить дорогих гостей. С радушием истинно русского человека поставит на стол все самое лучшее, что есть в доме, каждого расспросит про житье-бытье, утешит, пожурит, посочувствует.

Когда мы пришли к ней, во-первых, встретили у нее Женю Жукову и Женю Шаталину, во-вторых, прочли письмо, которое она только что получила из Туркмении от Раечки Гончаровой, которая сообщала о том, что летом со своей дочкой приедет к Людмиле Васильевне в отпуск.

К тете Тоне в ее маленькую хатку заглядывают и те, кто живет в Дубовке. И всякий раз, гоняя чаи, разглядывают старые фотографии, которых у тети Тони видимо-невидимо.

Побывали мы и на встрече дубовских школьников с бывшими детдомовцами. На ней выступила дочка Людмилы Васильевны — шестиклассница Ира.

— Я знаю многих маминых воспитанников, — говорила она, волнуясь, — и детей их знаю. И я счастлива, что мы учимся и играем под мирным небом…

Павел Борисович Шишкин, учитель математики, показал нам сад, заложенный детдомовцами. И мы сняли на пленку взрослые деревья, тянущиеся ветвями к весеннему небу, как к надежде и радости своей…

Киноочерк получился, но это полдела. Предстояла еще студийная запись. В студию мне хотелось пригласить тех, чьи рассказы и фотографии опубликованы в книге. Таких людей я разыскала благодаря Евгении Эдуардовне Волошко.

— Это я… Неужели это я? — говорила, волнуясь, смуглая молодая женщина, рассматривая фотографию трех девочек-пампушек.

— Да, изменились вы здорово, но узнать все равно можно, — уверили мы Зину Жмалдину.

После телевизионной передачи.

Снимок сделан летом. Ребята только вернулись с прогулки и сплели себе по веночку из полевых цветов.

— Снимок сделан в 44-м или в 45-м… Всего год назад или полтора нас привезли чуть живыми, а на снимке щеки лопаются — так о нас заботились. Так нас кормили…

Олег Назаров приехал на телевизионную передачу из Светлого Яра, где он работает мастером по наладке холодильных установок, вместе со своей женой. Ему очень хотелось, чтобы она познакомилась с друзьями его детства.

— То, что мы перенесли, очень нас объединяет: мы, маленькие ребята, видели самое страшное — смерть своей матери, и сами были на волосок от смерти, мы могли умереть от голода, от пули, от бомбы, но нам посчастливилось выжить. Нас подстерегала смерть от истощения. И вот нас кормят, лечат теплом и лаской. Мы изо всех силенок карабкаемся к солнцу, к жизни. Каждый шаг нам очень трудно давался, мы все вместе переживали и горе и радость. Вот почему невозможно забыть тех, с кем рос в детском доме, — так сказал Олег Назаров телезрителям.

У супругов Назаровых двое детей — сын и дочь. И отец нет-нет да и скажет:

— Вот спроси вас, что такое счастье, вы, пожалуй, сразу и не ответите, будете думать, вспоминать, изобретать и вряд ли догадаетесь назвать счастьем то, что каждое утро просыпаетесь от ласкового голоса матери: «Дети, пора!» А это и есть счастье —

жить под мирным небом…

— Я вот тоже что-то вроде этого говорю своим ребятишкам, я ведь тоже все-все помню, до мельчайшей детали… — Это сказала телезрителям медсестра одного из детских садов Волгограда Нина Карбакова.

Нине Карбаковой повезло больше, чем другим детдомовцам, — за ней в Дубовский детский дом приехал ее отец, боец Советской Армии Дмитрий Андреевич Карбаков. О том, что Нина в детдоме, он узнал из письма своей старшей дочери Шуры, которая воевала на другом фронте. Когда отец, демобилизовавшись, приехал, Нина училась во втором классе. Она сразу узнала высокого человека в военной форме. С криком: «Папочка!» — бросилась к нему. Они обнялись и заплакали от радости. Другие дети, стоящие рядом, заплакали оттого, что за ними никто не едет…

У большинства воспитанников детского дома отцы погибли на фронте, да и других родственников не нашлось. Для них детский дом остался родным на долгие годы, и встречи детдомовцев друг с другом — это встречи близких, дорогих людей.

На телевизионную передачу я пригласила из Тольятти Лиду Шандишову и Милю Самойлову, но о том, что они на телестудии, никто не знал, кроме меня и режиссера. И вот, когда мы спели под гитару (играла Женя Шаталина) одну из любимых песен детдомовцев «Грустные ивы», я спросила участников передачи, хотят ли они увидеть своих подруг. Все заволновались, повскакивали с мест, когда увидели, что на площадку, откуда велась передача, идут из таинственной темноты двое. И когда они, наконец, дошли до нас, мы бросились к ним, чуть не свалив стол, за которым сидели. Это и был сюрприз, который всех убедил в том, что нужна большая встреча. И такая встреча состоялась в Дубовке летом 1973 года.

Но прежде чем рассказать о большой встрече, мне хочется вспомнить о замечательной женщине, которой детдомовцы многим обязаны, — о Евгении Эдуардовне Волошко.

Слово о Евгении Эдуардовне

К сожалению, с этой женщиной я так и не встретилась — только успела получить от нее одно-единственное письмо.

«Как я рада, что нашелся наконец человек, который взялся за это благородное дело — рассказать о том, как детям вернули детство. Я сама пыталась это сделать, собирала материал, письма

детдомовцев — ведь я веду переписку со многими. Пишут мне из Волгограда, Туркменской ССР, Казахстана, Киргизии, Удмуртской АССР, из Братска, Измаила, Ярославля и многих других городов. Я делаю все, что могу, чтобы сблизить друзей детства. Мне бы очень хотелось с вами встретиться, поговорить и помочь вам — передать весь материал, который у меня есть. Буду ждать вас и вашу книгу».

Но Евгения Эдуардовна не дождалась — 10 февраля 1971 года она умерла от инфаркта. Об этом мне написал ее брат Ян Эдуардович. А как мне хотелось увидеть эту благородную и самоотверженную женщину, низко поклониться ей за все, что она сделала для детей.

Общая мама — так ее называли детдомовцы.

Евгения Эдуардовна Волошко — директор Дубовского специального детского дома, или «всеобщая мама», как называли ее детдомовцы.

А если у человека есть мать, то и дом ее будет родным: здесь вкусно и сытно накормят, поговорят по душам, расспросят, приголубят. В родном доме уютно оттого, что можно заниматься тем, к чему душа лежит: играть в войну, в паровоз, читать,

слушать радио. А бывало и так: вечером, когда стемнеет, в доме зажгут свечи, кто-нибудь из воспитателей сядет за рояль и польются песни «Грустные ивы», «В землянке», «Огонек». Потом кто-нибудь скажет: «Давайте танцевать!» И закружатся в вальсе маленькие балерины.

Вот эту домашнюю, уютную обстановку в детском доме создала Евгения Эдуардовна вместе с воспитателями, нянечками и поварами. Она не уставала повторять своим сотрудникам:

— Чтобы дом был настоящим, надо вложить в него душу.

И сама Евгения Эдуардовна без устали работала для маленьких сталинградцев.

В то военное, голодное и трудное, время один из главных наших лозунгов «Все лучшее — детям» оставался в силе, хотя и хлеб и одежду, топливо и людей забирал в первую очередь фронт.

Дети… Их отцы воюют. Дети — наше будущее, которое надо сохранить во что бы то ни стало.

И Евгения Эдуардовна обращается за помощью к общественности — комсомольцам и коммунистам.

Вот записи из ее дневника:

«Зал в группе шестилеток переполнен. Сегодня к детям пришли гости — председатели колхозов, сельских Советов и директора МТС. Дети сидят у них на коленях, обнимают за шеи, расспрашивают и рассказывают о своих детских радостях. Неловко себя чувствовали председатели колхозов, посетившие детский дом впервые. Они обещали теперь чаще бывать в гостях у детей и прислать новогодние подарки.

Смешной момент был, когда председатель колхоза Подобряев заявил детям, что он привезет в подарок им два воза кизов (топливо кизик). Дети не знают значения этого слова и поняли иначе.

Среди них заметное оживление. Они радостно шумят: „Спасибо!“ И перешептываются: „Кисов, кисов нам, котятов два воза привезут“. Вдруг один мальчик говорит: „Кисов привезете, а нам еще нужно хрю-хрю!“

Потом дети попросили у колхозников подводы для дров, свет у горсовета.

Живем мы в темноте,
Как в берлоге мишка.
Не раз вечером в потемках
На лбу набили себе шишки.

Товарищ Чернов, председатель городского Совета, встает и виновато говорит: „Так это по моей вине вы себе шишки

набиваете, ну, ребята, даю слово, что свет у вас будет“. Он нагибается и целует одного из просителей.

До столба провод довели,
А в дом не провели.
Живем мы, новостей не знаем,
По музыке и песням скучаем.

И, повернувшись к начальнику связи Образцову, ребята хором произносят: „Нам нужно радио!“»

Через пару дней к детскому дому стали подъезжать подводы с новогодними подарками от колхозников. На подводах была баранина, мука, овощи, сушеные фрукты и молочные продукты. Десять колхозов привезли новогодние подарки, а колхозы «Красная звезда» и «Большевик» привезли подарки детям не только от колхозов, но и от колхозников лично. Они напекли детям пирожков с капустой, яйцами, прислали сушки, семечек. Четверо колхозниц остались у детей на елке.

В марте 1944 года дети старшей группы выступили с художественной самодеятельностью перед участниками пленума РК ВКП(б). После концерта ко мне подходили руководители колхозов, организаций и взволнованно расспрашивали о детях, обещали помочь в работе.

Председатели колхозов «Спартак», «Пламя», «Искра» дали семян для посева зерновых, а председатель колхоза «Ленинский путь» Бондарев рассказал колхозникам о детском доме, и они решили засеять, скосить и убрать детскому дому 30 га зерновых. И наутро приступили к работе.

Колхозники Дубовского района стали частыми гостями в детском доме. Вот приехали представители из колхоза «Челюскинец». Они привезли детям молока и муки. А, уезжая, они посадили на подводу детей и прокатили по улице.

Немного спустя во двор вошли две женщины из колхоза «1 Мая». Они попросили разрешить им передать детям подарки. Малыши с радостью приняли от них куклы, сшитые заботливыми руками колхозниц.

Позже они прислали детям еще и шерстяные варежки.

В гостях у детдомовцев не раз была Александра Максимовна Черкасова. На этот раз фотограф запечатлел ее со старшими ребятами, шефами из колхозов и Е. Э. Волошко.

Колхоз имени Ворошилова прислал детям 27 маленьких мешочков с подарками. В них были сушеные фрукты, пряники и много семечек. Семечки решили дать детям. Они радовались и говорили: «Это настоящий праздник. Дома мама всегда в праздник семечки давала».

Пришли колхозники из колхоза «Красная звезда», из колхоза «Маяк» был сам председатель Палатов. Итак, на празднике у детей побывало много гостей, а самым лучшим подарком было то, что колхозники привезли 200 кубометров дров для детского дома.

Шефские организации города тоже проявили большую заботу о детском доме. Директор торгплодоовоща Юрьев помог в доставке овощей для детского дома.

Рыбозавод перебросил за 60 км 8 тонн картофеля, пристань — пятнадцать тонн овощей из Балыклея. Артель «Швейпром» сшила детям 100 мягких матрасиков.

19 марта 1944 года состоялась первая встреча детдомовцев с комсомольцами. Девушки-комсомолки не могли спокойно смотреть. Многие, нагибаясь, прятали свои лица, чтобы скрыть от детей слезы. После концерта секретарь РК ВЛКСМ Алексеенко от имени комсомольцев Дубовки и района дал обещание проявлять еще больше заботы о детдомовцах.

И слово свое комсомольцы сдержали.

Написали они отцу-фронтовику, чьи дети воспитывались в

Дубовском детдоме.

«Полевая почта № 37595 — „Ю“, Милову А. П.

Дорогой боец, Аркадий Петрович! Мы, комсомольцы г. Дубовки, собравшиеся на городское комсомольское собрание, заслушали Ваше письмо, присланное на детский дом, где воспитывается ваш сын Володя. Вы рассказали в нем о кошмарных ужасах горя и несчастий, причиненных нашему народу германским фашизмом. Священной ненавистью к лютому врагу зажглись наши юные сердца. В ответ на Ваше письмо нам хочется сказать, что мы гордимся именем Ленинского комсомола и готовы в любую минуту защищать нашу Родину от врага.

Большинство наших товарищей влились в ряды бойцов Красной Армии и вместе с Вами готовы отдать свою жизнь за счастье нашего народа. Вот они, наши доблестные воины: Герой Советского Союза Коля Санжиров, Саша Колбяшкин, Куртыков и другие.

Желанный час победы приближается и нашим самоотверженным трудом в тылу. Взяв шефство над Дубовским специальным дошкольным детским домом, где воспитываются ваши дети, мы убрали двухэтажное здание, предназначенное для размещения детей. Кроме того, мы обязуемся привести в порядок еще одно здание для детского дома, помочь в заготовке топлива на зиму в количестве 200 м^3, вырыть водопроводную магистраль, рассадить деревья, организовать уход за озеленением двора детского дома, в часы досуга посещать детей, окружая их комсомольской лаской, чуткой заботой и сердечной теплотой.

Передайте наше крепкое слово комсомольцам-фронтовикам с заверением, что мы приложим все силы и старания к тому, чтобы обеспечить счастливую жизнь нашей детворе.

Идите смело в последние решающие битвы, дорогие товарищи, и не беспокойтесь за своих детей — мы создадим им самые лучшие условия для жизни и учебы. Передайте наш горячий комсомольский привет всем вашим боевым друзьям.

По поручению комсомольского собрания: секретарь РК ВЛКСМ П. Алексеенко, комсомолки А. Вялова, А. Канавина, Р. Скворцова, А. Сысоева, Т. Фанина, Е. Скворцова».

В 1945 году Евгения Эдуардовна Волошко сделала в своем дневнике такую запись:

«Комлесосстав (Молотовская область) подарил детям Сталинграда сто кубометров строевого леса, который привезли с попутным плотом по Волге, и острая необходимость в лесоматериале исчезла.

Куйбышевская область выделила 18 голов крупного рогатого скота, который подоспел к началу сельхозработ в подсобном

хозяйстве детдома, и проблема с тягловой силой разрешена полностью.

Приближается зима. Нет топлива. Шесть этажей, где живут дети, нужно отопить, чтобы в комнатах было тепло, уютно. Навстречу идет Донбасс. Он дал детям уголь. Дети будут обеспечены топливом на зиму.

В детском доме еще много разных хозяйственных неполадок, но за сорок километров находится Сталинградский тракторный завод, который защищали отцы этих детей. Общественность завода во главе с директором Просвировым принимает горячее участие в оборудовании детского дома.

Только в нашей советской стране возможна такая всенародная забота о детях. Только в советской стране фронт и тыл представляют единое целое, благодаря чему мы победили. Сейчас победители приезжают в детский дом за своими детьми. Капитан Санджапов, старшина Мафтахудинов, боец Карбаков и многие другие находят своих детей здоровыми, жизнерадостными. Этим детям Советская власть вернула детство, утерянное в тяжелые дни осады Сталинграда».

Есть люди, которые обладают сразу несколькими талантами. Такой была и Евгения Эдуардовна: как администратор она сумела так поставить дело, что Дубовский детский дом был самым лучшим среди сорока детских домов, созданных в нашей области после Сталинградской победы.

Евгения Эдуардовна была и талантливым воспитателем. Как тонко она умела подметить настроение ребенка, его характер — в каждом слове, жесте, поступке. Она умела думать и размышлять, эта мудрая и дальновидная Евгения Эдуардовна. Многие воспитатели учились у своего директора трудному искусству — проникать в душу ребенка.

Ее поистине героический труд был оценен Родиной еще тогда, когда шла война: Евгения Эдуардовна была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Вот какую запись сделали воспитатели Косицына и Фокина 20 декабря 1944 года в рукописной книге «История Дубовского детского дома»:

«Сегодня у малышей веселый праздничный день. Им приготовили вкусный полдник, пригласили баяниста. Сегодня они поздравляют Евгению Эдуардовну с высокой правительственной наградой.

Дети знают, что их директор Евгения Эдуардовна по-матерински заботится о них, об их здоровье и жизни. Они хорошо и тепло одеты, на них шерстяные костюмчики, теплые валенки, и на столе у них сладкий пирог, котлеты, шоколад.

— Евгения Эдуардовна, поздравляем вас с высокой наградой

— орденом Трудового Красного Знамени. Благодарим вас за заботу о нас. Обещаем учиться только на „4“ и „5“ и просим вас, когда поедете в Москву за орденом, то передайте привет товарищу Сталину от детей нашего детского дома.

В глазах ребят любовь к этой ласковей, заботливой матери такой большой семьи».

Большая встреча

То утро, самое обыкновенное, летнее, — солнце, свежий ветерок с Волги и бездонное чистое небо — то утро, казалось, не предвещало никаких событий, никаких перемен. На улицах почти нет прохожих и машин — тишина…

И было трудно представить, что когда-то давно, 19 мая 1944 года, из репродукторов, больших черных тарелок, на всю Дубовку звучали голоса детдомовских ребят Мили Самойловой, Люды Вакс, Вали Кузнецовой, Нади Арбузовой — они читали стихи, а мощный хор исполнил песню «Дал приказ товарищ Сталин».

И люди стояли там, где захватила их передача. Слушали жадно, с повлажневшими глазами, слушали и не верили, что ребятишки, которых год назад вывезли из сталинградских руин чуть живыми, воспрянули, и голоса их, звонкие и счастливые, затопили дубовские улицы.

Когда детский концерт окончился, диктор объявил выступление заведующей детским домом Евгении Эдуардовны Волошко.

Каждое слово, произнесенное этой женщиной, тяжело ложилось на сердце — ведь война еще не кончилась, и, возможно, отцы детдомовцев, о которых она рассказывала, умирали от смертельных ран.

Как давно это было!..

И все-таки сегодняшнее утро, напоенное безмятежным солнцем, готово было вот-вот взорваться: волнение и слезы, радость и смех, возгласы, стук собственного сердца — все вот-вот выплеснется из гостеприимных домов, встретивших накануне бывших детдомовцев. Все это понесется к Волге, к домам, обнесенным старой каменной стеной со скрипучими воротами, к тем трем домам, которые двадцать пять лет назад приняли детей Сталинграда.

Здесь уже собрались организаторы встречи — райкомовские работники, сотрудники Дома пионеров, бывшие воспитатели. Мы ходим по комнатам большого старого дома, рассматриваем стенды, модели, сделанные руками нынешних пионеров. В этих

комнатах когда-то жили детдомовцы. И невольно то тут, то там вспыхивают воспоминания о самых первых днях.

Тогда комсомольцы и школьники города сразу приняли горячее участие в ремонте этих зданий, помогли с оборудованием, школьники собрали посуду, белье, койки, игрушки. Ребята постарше пришли купать детей, стирали белье, пилили дрова. Комсомольцы редакции газеты «Крепость большевизма» вышили 160 детских салфеток, организовали сбор денежных средств, комсомольские организации колхозов «Ленинский путь», «Доброволец», «Общий труд» собрали и привезли в детский дом шесть центнеров овощей.

Первой, кого я увидела из детдомовцев, была Женя Жукова. Я кинулась к ней, как к родному человеку, — ведь мы с ней встречались не раз.

На эту встречу Женя приехала со своей дочкой, славной и симпатичной девчушкой, и сестрой Верой, тоже детдомовкой. Она живет и работает в Казахстане.

Мне очень хотелось увидеть Милю Самойлову, но Женя сказала, что та не приедет— у нее заболели дети.

До встречи оставалось минут пятнадцать. И Павел Борисович Шишкин пригласил нас всех спуститься во двор. Здесь уже собрались воспитатели, учителя и нянечки детдомовцев. Среди них я увидела Людмилу Васильевну Корнееву, Наталью Федоровну Хомякову, Анну Борисовну Косицыну, Бориса Терентьевича Конглова, Марию Андреевну Иванову, Анну Ивановну Павлову, Вячеслава Михайловича Веселовского, Таисию Петровну Спирчеву, тетю Марусю Киселеву, тетю Тоню Лымареву. Последняя вооружилась альбомом со старыми фотографиями, где детдомовцы были запечатлены совсем маленькими детьми. И вот сейчас предстояло увидеть их. Узнают или нет? Встречающие волнуются, нервничают, комкают носовые платки.

То, что началось через пятнадцать минут, словами передать невозможно. Представьте: распахивается скрипучая калитка и впускает какую-то женщину. Несколько шагов она делает чуть ли не в абсолютной тишине, установившейся на какие-то мгновения.

И вот первый возглас:

— Иру узнаете?

Это как сигнал к атаке — к женщине кидаются все сразу. Хотят ее обнять, поцеловать, спросить. Восклицания, восторги, охи-ахи. И, конечно, воспоминания. Зинаида Степановна Щеглецкая, кастелянша детдома, не может поверить своим глазам, как же изменилась Ира Задубовская! Ведь бантики ей собственноручно привязывала, такие яркие бантики.

— Ира, помнишь?

Калитка снова распахивается, но скрипа ее уже никто не слышит — такой гвалт стоит во дворе детского дома. С каждой минутой он крепчает, набирает силу, потому что друг к другу кидаются не только встречающие и гости, но гости к гостям — ведь многие детдомовцы не виделись двадцать пять лет!

— Валя Сельченко! Неужели ты?

Слышу знакомую фамилию — Ермаков. Подбегаю (я была с магнитофоном и записала эту встречу на пленку, я боялась пропустить кого-то, поэтому бегала от одной группы к другой).

— Вы тот самый Володя Ермаков?

— Так точно, — говорит чернявый худой мужчина, — Ермаков, по кличке Ганс.

Он смеется, вспоминая кажущийся сейчас забавным эпизод, когда он разряжал в сарае запал и его ранило (об этом есть в первой части книги). Володя Ермаков комбайнер, живет и работает в совхозе «Погожинский» Дубовского района. Он убирал хлеб, но даже в эту горячую уборочную страду его отпустили на денек — ведь такая встреча бывает раз в жизни.

Володю тормошат, похлопывают, тискают, разглядывают. Анна Борисовна сокрушается:

— Что же у тебя зубов-то нет?

— Да старый я, мне уже сорок, — оправдывается Володя.

Анна Борисовна ахает:

— Сорок! Вот так старик! А мне семьдесят…

У детдомовца Бориса Терентьева трое детей. Они приехали с отцом и вьются около ног. Это вызывает всеобщий восторг. Борис сияет. Наталья Федоровна спрашивает его:

— Помнишь, как уроки заставляла учить?

И лукаво улыбается.

— Все было, Наталья Федоровна, теперь вот свои сорванцы подрастают.

Толю Гончарова я узнала сразу — его я видела на фотографии вместе с семьей у Людмилы Васильевны. Он прилетел из Киргизии, очень боялся опоздать — была нелетная погода. Ходил к начальнику аэропорта, умолял отправить побыстрей, книжку «Дети Сталинграда» показывал — вот по какому серьезному поводу просит.

Толя внешне сдержан, но по тому, как он говорит — скупо, срывающимся голосом, — видно, что очень волнуется. Трудно не волноваться, когда вспоминается самое трагичное, самое больное.

— Толя, помнишь, как Раечку встретил?

— Помню, только плакать не надо…

Успокаивает, а у самого в горле комок: вспомнил, как его, шестилетнего мальчишку, мучила совесть, что не смог долго

нести свою сестренку Раечку на руках, когда уходили от убитой мамы.

— Раечка приедет?

— Приедет, обязательно!

И Раечка приехала. Она пришла на встречу часом позже вместе со своей дочкой. Хрупкая и неулыбчивая, очень сдержанная, как и ее брат. На природный характер, видно, наложила печать и работа, не совсем женская, — начальник цеха. Она постоянно требует собранности, определенности. Это человек долга. «Времени совсем нет. Чтобы работать хорошо, надо отдавать всю себя, плохо — не позволяет совесть», — написала она мне в одном из своих писем.

Появление полной симпатичной женщины вызвало настоящую бурю восторгов, хотя одни ее узнали сразу, другие нет.

— Валюшка?!

— Молодцом! Ну, шарик, шарик настоящий! Перещеголяла свою воспитательницу.

— Стой, стой! Кто это — не знаю…

Женщину вертят, разглядывают.

— Людмила Васильевна, да это же я, Валя Гуряева!

— Боже мой, Валя!..

— Живу в Волгограде, приехала с мужем. Он у меня инженер. Сама на тракторном. Двое детей.

— Молодец, молодец!

— Семья хорошая…

Бывшие детдомовцы построились в одну линию. Лицом к лицу с ними — их воспитатели, нянечки, повара, технички, шефы, просто жители Дубовки. Они смотрят друг на друга и не могут наглядеться. И качают головами: неужели это те горемычные, о которых тридцать лет назад написала в своем отчете директор детского дома: «28 апреля прибыла первая партия детей — сорок три человека. Детей привезли из Сталинграда. Дети были истощенные, обессиленные долгим голоданием, так как находились в оккупированных немцами районах города. По медицинским данным, 84 процента детей истощенных, 6 процентов — туберкулезных, 5 процентов — цинготных и только 5 процентов — условно здоровых. Одежду детей подвергли полному уничтожению, т. к. она была сплошь покрыта насекомыми..

Некоторые дети настолько ослаблены, что не в состоянии двигаться. Нина Бесфамильная лежала в постели и все плакала, ждала маму, когда та возьмет ее к себе.

В таком же состоянии были Вова Мищенко, Ваня Чумаков,

Бесфамильный Вова и другие».

И вот стоят они, дети Сталинграда, сорокалетние мамы и папы, в строю, лицом к лицу с теми, кто их вынянчил и поставил на ноги, кто дал им путевку в жизнь.

Торжественную линейку, посвященную большой встрече детдомовцев, открывает директор Дубовского завода металлоизделий Владимир Иванович Торгашов:

— Я воспитанник Дубовского детского дома, работаю на заводе.

— Евгения Федоровна Шаталина. Закончила пединститут, работаю в школе.

— Владимир Константинович Пергаев. Работаю на тракторном заводе. Женат.

— Гончаров Анатолий Павлович. Живу в Киргизии, работаю заместителем главного энергетика Гадамжайского комбината.

— Дятлова Валентина Михайловна, работаю оператором на водоканале, живу в Волгограде.

— Шаталин Геннадий Федорович, работаю в «Югавтоматике» газоэлектросварщиком.

— Долматов Эдуард Николаевич. Живу в Ярославле, работаю старшим инженером в Ярхимстрое.

— Конкров Игорь Вячеславович. Работаю токарем на Камышинском крановом заводе.

— Задубовская-Чеплакова. Живу в Волгограде, работаю преподавателем физкультуры в школе № 35.

— Миша Жучкин. «Красный Октябрь». Электрослесарь.

— Геннадий Васильев — термист Камышинского хлопчатобумажного комбината.

— Юлия Александровна Посохина (Тур), работаю в Волгоградском строительном управлении начальником планового отдела.

— Смирнова (Нежельская) Тамара Ильинична — секретарь-машинистка на заводе «Баррикады».

— Резвин Борис Николаевич. Работаю в Саратове на механическом заводе начальником отдела оборудования.

— Юрий Галушкин — электрообмотчик алюминиевого завода.

— Олег Назаров. Работаю механиком райпо в Светлом Яру, там же и живу.

— Владимир Григорьевич Акатов. Живу в Волгограде, работаю на алюминиевом заводе слесарем по ремонту оборудования.

— Шилкин Владимир Анатольевич, живу в Родниках. Универсал. Приходится все делать.

Рапортуют бывшие детдомовцы коротко, как договорились, но за скупыми словами жизнь со всеми ее радостями и печалями, удачами и горькими разочарованиями, рождением детей, невозвратимыми потерями и чувством глубокого удовлетворения, что ты — человек — дышишь, смеешься, плачешь, что ты нужен людям, у тебя есть работа, друзья, Родина. Вот сейчас ты стоишь в этом строю, а он ломается, потому что дети кишат у твоих ног, теребя тебя, хнычут или проказничают. Эх, щелкнуть бы по затылку, чтоб смирно стояли, да неудобно — торжественная линейка все-таки. Растите, дети детей Сталинграда! Наслаждайтесь солнцем! И не дай бог, чтобы с вами случилось такое.

9 января 1944 года. Евгения Эдуардовна записала в книге: «Сегодня умер Бесфамильный Вова. Шесть месяцев пролежал он в больнице. Шесть месяцев он упорно боролся со смертью. Вова много ел и не наедался. Вставал ночью, ходил и собирал у больных по тумбочкам продукты. Мы ему носили еду четыре раза в день, но все это не восстановило его силы.

Его фамилия никогда не будет установлена, и родные никогда не смогут найти его. В его смерти повинны фашисты. Это они отняли у него жизнь. Как хотелось спасти его жизнь! У него были такие большие и грустные глаза с длинными ресницами… Завтра хоронить. Это уже второй случай смерти. Так же умерла Тома Бесфамильная».

— Люди… спасибо вам, люди, за то, что мы есть… — такие слова сказала Лида Шандишова, страшно волнуясь, сдерживая рыдания, чтобы договорить: — И нет для меня на всей земле дороже Дубовки, потому что здесь я нашла своих родителей, моих самых дорогих и родных людей.

Ей хотелось отыскать в толпе Фаину Федотовну и Михаила Епифановича Гомозковых, но она нс смогла этого сделать— расплакалась.

После торжественной линейки всем захотелось пойти на Волгу — она плескалась совсем рядышком. Волга была частью жизни детдомовцев, свидетелем их печального детства, их слез и тоски. Волга видела их и другими: беспечными и веселыми.

Но сначала они затопили главную улицу Дубовки и поднялись вверх к кафе «Дубовочка», чтобы по русскому обычаю пообедать вместе и вспомнить тех, кого нет с ними.

Конечно, вспомнили Евгению Эдуардовну Волошко. Некоторые только сейчас узнали, что она умерла. Загрустили, запечалились. Ей многие писали после детдома, и какое бы письмо ни было — короткое или длинное, радостное или печальное, — оно всегда начиналось одинаково: «Дорогая мама!»

«Здравствуйте, милая и добрая наша мама и бабушка! Очень рады Вашим письмам. Спасибо за добрые пожелания Инночке. Ваши наказы постараемся выполнить.

Недавно было в школе родительское собрание, меня выбрали председателем родительского совета первого класса. Родители собрались хорошие, дружные… С Ниночкой в свободное время читаем „Мурзилку“, рисуем, лепим. Она очень любит эти занятия. Пишите, как ваше здоровье, что у вас нового. Михайловка, наверное, хорошеет? Крепко целуем. Ваши Инночка и Рая».

Автор этого письма, Раечка Гончарова, сидит за столом рядом с братом — Толей. Глаза у нее грустные-грустные. Она знает, как любила ее Евгения Эдуардовна и как жалела… Фотографии Раечки и ее дочери среди других фотографий, украшавших комнату Евгении Эдуардовны, занимали главное место. И на этой встрече Раечка Гончарова получила подарок: рукописную книгу «История специального Дубовского детского дома», датированную 1944–1945 годами. Это завещание Евгении Эдуардовны Волошко выполнил ее брат Ян Эдуардович.

Особой любовью были согреты отношения Евгении Эдуардовны и Юли Посохиной, красивой и умной девочки. Как радовалась и ликовала Евгения Эдуардовна, когда узнала, что счастливо сложилась у Юли жизнь.

Муж Юли Посохиной сидит рядом с ней за столом и внимательно слушает воспоминания детдомовцев.

После обеда все пошли на Волгу. Конечно, разные чувства захватили их. Но печалиться и вздыхать не пришлось— дети детей Сталинграда с визгом носились по берегу, забегали в воду, и надо было смотреть за ними, чтобы не случилось беды.

Кто-то сказал: «Пойдемте к Дубовочке, нашей маленькой речке, на то место, где когда-то была наша дача».

Вспомнили домики, которые стояли на круче, сад, белый песок, где девчонки соорудили дворец Василисы Прекрасной. Жаль, нет с ними сейчас Мили Самойловой, веселой затейницы. Мужчины вспомнили, что они тоже когда-то сооружали крепости из песка и укрепляли их пушками. Когда установили в крепости пушку, Гена Деревенченко сказал: «Ни один фриц и японец не проберется сюда. Только он покажется, а мы его из пушки — раз! Все они будут на дне этой речки».

После ужина, когда поднимались из сада к домику, где была спальня, очень любили сидеть на пригорке, смотреть вниз, на сад, наблюдать за птицами, слушать их пение, глядеть на верхушки деревьев, освещенных вечерним солнцем, на розовые облака самых причудливых очертаний.

Многое изменилось здесь за четверть века до неузнаваемости.

Но воздух, воздух знакомый, родной. Он насыщен воспоминаниями. А помнишь…

— А помните, — сказала Мария Андреевна Иванова, — как мы встречали болгарскую делегацию?

— А болгары — не русские?

Засмеялись, вспомнив, что кто-то задал такой вопрос.

Среди болгарских гостей был сын Димитрова. Он пришел в группу пятилеток, сел на коврик и стал играть с ребятишками.

Конечно, был концерт детдомовцев. Слушая детские песни, девушка из Болгарии грустно сказала: «Их отцы сражались за нашу маленькую страну и погибли. Чем мы можем отблагодарить этих детей? Живите дружною семьей, дорогие ребята!»

Как это было давно и как недавно!

Воспоминаниям нет конца. Говорили-говорили и не заметили, как наступил вечер. Надо было кормить детей и укладывать спать, да и самим не мешает чуточку передохнуть, успокоиться. Детдомовцев с детьми стали разбирать по домам, как когда-то давно брали их на воскресенье, чтобы они почувствовали семью, побывали в домашней обстановке.

Основная масса, конечно, завалилась к Людмиле Васильевне Корнеевой.

В большом доме сразу стало тесно. Все сгрудились вокруг стола — и первым делом принялись рассматривать старые фотографии.

На столе тем временем появляется великолепный виноград, привезенный Анатолием Гончаровым из Киргизии, и зеленый чай.

— Не могу без такого чая, — говорит Анатолий и начинает рассказывать о своем житье-бытье.

— После телевизионной передачи я встретила Нину Каменецкую — она работает в Тяжпромэлектропроекте, — сказала Люся Самарченко. — Она мне: «Куда угодно, хоть на край света, хоть пешком — так хочу встретиться со всеми!»

Мы еще не знали, что будет большая встреча, решили у Жени Жуковой собраться. Поднимаемся по лестнице, смотрим — у Жениной квартиры остановилась симпатичная толстушка. Я удивленно спрашиваю: «И вы сюда?» Сюда, говорит. Это оказалась Валя Гуряева.

Галина Андриевская незаметно смахнула слезинку.

— Я тоже думала, не доживу до этой встречи — так хотелось всех увидеть… И как мы изменились…

— Постарели…

— Не постарели, а возмужали.

На следующий день уезжали из Дубовки, как из родной

семьи, с желанием встретиться еще и еще раз.

На всю оставшуюся жизнь

К дню защиты детей, который отмечает мир каждое первое июня, в радиокомитете мне дают задание — подготовить передачу о детях Сталинграда. Как всегда, звоню своим старым, добрым друзьям.

Жене Жуковой (Струиной) ехать из Красноармейского района. Но она приезжает самая первая: такой уж у нее характер — обязательный.

В условленный час раздался стук в дверь, и я услышала певучий, наполненный радостью голос:

— К вам можно?

Это Женя! Замотанная и худющая, но энергичная, живая.

— Сегодня приезжают дочь с зятем в отпуск, — сообщает она.

Женя — бабушка. В этом качестве я еще ее не видела. Знаю только, что внучка на ее руках (дочь с мужем работают на Крайнем Севере). А ведь Женя сама работает и от общественной деятельности не отказалась — по-прежнему в профкоме объединения «Каустик». Если к этому еще прибавить и дачу, которой она занимается с удовольствием, то… где же она на все это берет время?

Засыпаю ее вопросами: кто должен встретить их, когда, где внучка, — и извиняюсь, извиняюсь за то, что заставила ее ехать в такую даль накануне таких событий.

Женя меня успокаивает, даже шутит:

— Все оргвопросы решила, не волнуйтесь: внучку взяли родители зятя, а встретить гостей успею. Не могла же я вас подвести и не приехать. Да и соскучилась очень. Женю Шаталину не видела целую вечность.

Женю Шаталину мы поздравили с получением новой квартиры. Стали в гости напрашиваться.

— Ой, девочки, мебель еще не купила. Деньги есть — времени нет.

Ее понять можно: после учебного года (Женя работает в школе) она едет на все лето воспитателем в пионерский лагерь. Работает, как всегда, ненасытно и хорошо, доказательством чего — грамоты, которые ей вручают после каждой лагерной смены.

Впервые увидела воспитанницу Дубовского детского дома Нину Каменецкую, маленькую, симпатичную женщину.

Она техник, работает в проектном институте уже пятнадцать лет. Институт выпускает проекты металлургических заводов для

нашей страны, для Болгарии, Нигерии, Югославии. У Нины семья, дети.

Она тоже недавно получила благоустроенную квартиру, так что все в порядке.

— А я стала учительницей благодаря Людмиле Васильевне Корнеевой, — сказала Люся Самарченко. — Людмила Васильевна была моей любимой воспитательницей. Помню, у меня в детдоме затерялись валенки. Найти их среди сотен — дело нелегкое. Я заплакала. Людмила Васильевна подошла ко мне и спросила, в чем дело. Успокоила: «Да мы вместе найдем!» А я-то боялась, что она ругать меня будет. Она была у нас строгая, где надо, и одновременно добрая. Сейчас работаю инструктором производственного обучения водителей трамвая. Я отношусь к ним, как к нам когда-то Людмила Васильевна: строгий учитель и добрая мать.

Ребята приезжают из районов, они оторваны от родителей. Если неприятность какая, я успокою, поговорю, приведу к себе домой, как нас когда-то. При встрече мне всегда улыбаются, как мы до сих пор улыбаемся Людмиле Васильевне.

И опять все вместе листали рукописную книгу «История специального Дубовского детского дома».

— Раньше она не была такой старой и потрепанной… — сказала Женя Жукова. — Здесь много интересного, жаль, что мало отображен труд воспитателей… Только став взрослой, я поняла, как им было трудно! Они не считались со временем. Даже не подозревала, что у воспитателей существует рабочая смена. Второй воспитатель придет, а первый все равно не уходит, потому что кто-то в нем нуждается, Он не уйдет домой, если видит, что кто-то из ребят чем-то расстроен или у него не получается с уроками. И воспитатель сидит, как будто у него дома нет, семьи нет. Людмила Васильевна, помню, пока нас не уложит, не споет «баюшки-баю», домой не уйдет. Сама была молодая, но понимала, что детям ласка нужна.

И тетю Тоню вспоминаю, как она нас вкусно кормила. Бывало, придет вечером и спрашивает: «Дети, что вам на завтрак приготовить?» Это уже в лучшие времена, когда голода не было. А голод страшно вспомнить.

Было очень тяжело смотреть на сотрудников — они буквально пухли с голода. Помню, у нас колол дрова дядечка (забыла, как его звали), так он весь был опухший, топор еле поднимал, а дров наколоть надо много. А детей 3–4 раза кормили. Мы иногда кусочком своим делились… Я часто рассказываю своим девочкам на работе, как нам первый раз дали хлеба вволю, как на столы поставили полные тарелки.

Мы бросились к хлебу. Целые горки возвышались у каждого места. «Дети, не жадничайте! Съедите, мы вам еще дадим. Хлеба теперь будет вволю», — останавливали нас воспитатели.

— А помните… — снова вступает в разговор Женя Шаталина. — У нас был настоящий праздник, когда приезжали солдаты. Мы к нему тщательно готовились: все мыли, чистили. Мы были счастливы, ликовали. Среди гостей я всегда искала солдата, который был рядом с нами в окопах на берегу Волги, ниже завода «Красный Октябрь». Какой ад мы пережили, десятки раз умирая от страха, когда начиналась бомбежка! Нам, детям, в землю хотелось зарыться, как мышам, чтобы не слышать и не видеть того, что творилось вокруг. И вот советский боец утешал и успокаивал нас как мог, когда нам хотелось пить, он полз на берег Волги и в каске приносил драгоценную влагу. Я помню, как горела нефть в те страшные сентябрьские дни. Мы кричали от страха. Солдат крепко держал меня, лицо у него было спокойным. Он говорил мне: «Женя, неужели ты этого черного дыма испугалась? Посмотри вверх, куда дым идет… Женя, мы освободим Сталинград. Сталинград восстановят, но нас не будет в живых. Помянешь меня? Будешь приходить на это место?» Он назвал имена бойцов. К сожалению, я забыла. Но я каждый год 9 Мая прихожу на берег Волги. Напротив «Красного Октября» сижу долго-долго… Я всю жизнь буду благодарна солдатам, спасшим мне жизнь. Приходя на берег Волги, мечтаю встретить хотя бы одного, который был в тот день, когда горела нефть…

И была еще одна встреча…

И снова приехали детдомовцы. Из разных городов в летний свой отпуск в Дубовку. И опять волновались, то ли от радости, то ли от горьких воспоминаний, всю ночь просидели на берегу Волги, вдыхая прохладный речной воздух. И говорили, говорили, говорили…

Это, видно, надолго… На всю оставшуюся жизнь…

Хорошо сказала Людмила Васильевна Корнеева, Верно. Войну не выбросить из памяти тех, кого она опалила. Ради наших детей и внуков мы должны помнить о ней, чтобы никогда на их головы не упала ни одна бомба. Память живет в нас, детях Сталинграда…

библиотека
Беспалова
СССР

30 к.